летописный «изяславль»

БОЛЬШОЕ ШЕПЕТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ

Том 1

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК М. К. КАРГЕРА 1957—1964 ГОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ 1960—1980-Х ГОДОВ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES Institute for the History of Material Culture Proceedings. Vol. LV

Medieval "Izyaslavl"

The Large Fortified Settlement near Shepetovka, in the light of archaeology

Volume I

Materials from the archaeological excavations of Mikhail Karger 1957–1964 investigated in the 1960s–1980s

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК Институт истории материальной культуры Труды. Т. LV

Летописный «Изяславль» Большое Шепетовское городище в свете археологии

Том І

Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980-х годов

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-19-00114, не подлежит продаже

Работа по подготовке издания выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 18-09-00753

Печатается по решению Ученого совета ИИМК РАН Редколлегия: К. А. Михайлов, А. А. Пескова (отв. ред.-сост.), О. А. Щеглова Рецензенты: д-р ист. наук С. В. Белецкий, д-р ист. наук А. Е. Мусин

Л52

Летописный «Изяславль»: Большое Шепетовское городище в свете археологии. Том І. Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980-х годов / ред.-сост. А. А. Пескова. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 264 с., ил. — (Труды ИИМК РАН. Т. LV).

Medieval "Izyaslavl": The Large Fortified Settlement near Shepetovka, in the light of archaeology. Volume 1. Materials from the archaeological excavations of Mikhail Karger 1957–1964 investigated in the 1960s–1980s / ed. by A. Peskova. — St. Petersburg: Nestor-Historia, 2020. — 264 p., il. — (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LV).

ISBN 978-5-4469-1696-2 DOI 10.31600/978-5-4469-1696-2

Настоящее издание представляет собой I том материалов и исследований из раскопок Большого Шепетовского городища, широко известного специалистам как летописный «Изяславль» (1957–1964 гг., рук. М.К. Каргер). В нем собраны результаты изучения трех массовых категорий археологических находок — исследования А.Н. Кирпичникова, посвященные предметам вооружения, О.В. Овсянникова о керамике и В.И. Цалкина о фауне, проведенные в 1960-е гг. и не утратившие актуальности сегодня, которые вводят в научный оборот многотысячные археологические материалы, отражающие хозяйственный уклад и социально-культурный облик древнерусского города конца XII — первой половины XIII в. Публикуется также выполненный Г.А. Романовой краткий обзор материалов позднеримского времени, относящихся к поселению, предшествовавшему на этом месте средневековому городу. Для археологов, историков, музейных работников, всех интересующихся историей Древней Руси и специалистов по истории Восточной Европы в позднеримское время.

This publication presents readers with the results of the study of three mass-scale categories of archaeological finds from the excavations undertaken at the Bolshoye Shepetovka fortified settlement (1957–1964, led by Mikhail Karger), which is widely known among specialists as medieval "Izyaslavl", referred to in the chronicles. Anatolii Kirpichnikov's research was devoted to weaponry, that of Oleg Ovsyannikov to the pottery and that of Venyamin Tsalkin to the faunal remains — all in the 1960s, but they remain just as relevant and topical today. The publication introduces into the academic literature thousands of archaeological finds reflecting the working environment and socio-cultural character of an Early-Rus' town at the end of the 12th century and during the first half of the 13th. It also includes a short survey, carried out by Galina Romanova, of materials dating from the Late Roman period and relating to the settlement which pre-dated the fortified settlement at this site. The book is intended for archaeologists, historians, museum staff and all those who are interested in the history of Early Rus' and who specialize in the history of Eastern Europe during the Late Roman era.

ISBN 978-5-4469-1696-2

9 | 785446 | 916962 |

УДК 90 ББК 63.4(2)2

- © Институт истории материальной культуры РАН, 2020
- © Авторы статей, 2020
- © Пескова А. А., научное редактирование, 2020
- © Издательство «Нестор-История», 2020

А.Н. Кирпичников

ВООРУЖЕНИЕ ДРЕВНЕГО «ИЗЯСЛАВЛЯ»¹

От автора

Автор этих строк был участником раскопок городища у с. Городище Хмельницкой области (возле г. Шепетовка, Украина) — летописного Изяславля по версии руководителя раскопок М. К. Каргера, в течение всех полевых сезонов (1957–1964 гг.). На пленуме Института археологии АН СССР в 1958 г. в Москве и Ленинграде мною был прочитан доклад «Вооружение из раскопок в 1957 г. городища возле Шепетовки Хмельницкой области». Предметы, добытые во время раскопок 1957–1962 гг., с разрешения М. К. Каргера, были использованы в кандидатской диссертации «Русское оружие ближнего боя Х–ХІІІ вв.» (Кирпичников 1963). В этой работе некоторые «изяславльские вещи» (далеко не все) вошли в состав только статистически, поэтому она не может считаться исследованием по интересующему вопросу. Позднее все предметы были учтены в составе свода археологических источников по древнерусскому оружию и снаряжению всадника и верхового коня (Кирпичников 1966; 1966а; 1971; 1973). Комплексное и целостное исследование вооружения древнерусского «Изяславля», написанное в 1966–1967 гг. и не опубликованное тогда по независящим от автора причинам, сегодня впервые представлено читателям.

Вступление

Русское оружие XII–XIII вв. известно хуже, чем вооружение эпохи возникновения Киевского государства. Образцы боевой техники периода удельной Руси в раскопках вообще большая редкость. Их обнаруживают главным образом в южнорусских городах, катастрофически погибших во время монгольского нашествия 1237–1241 гг. Среди всех до сих пор известных особое значение по своей целостности и величине приобретает коллекция военных древностей, обнаруженная при раскопках городища у с. Городище Хмельницкой области (возле г. Шепетовка, Украина). Этот древний населенный пункт, состоящий из детинца и посада, общей площадью 36 000 м², сопоставленный М. К. Каргером с волынским летописным городом Изяславлем, ныне раскопан полностью. В ходе исследования было выяснено, что поселение, представлявшее собой в основном однослойный памятник²,

 $^{^1}$ Подготовка текста и комментарии К. А. Михайлова. Рисунки к разделу выполнены А. Н. Кирпичниковым, компьютерная обработка Е. Ю. Кононович. Фотографии: НА ИИМК РАН, ФО: 0.2570; 0.2571.

 $^{^{2}}$ Отдельные находки III-IV вв. н. э. не меняют этого заключения.

просуществовало примерно сто лет, после чего жизнь на нем была внезапно и насильственно оборвана около 1241 г. вследствие осады и разрушения монгольскими полчищами, двигавшимися от Киева на Запад (Каргер 1965: 39–41).

Относительно короткая продолжительность существования городка, катастрофическая гибель, археологическое вскрытие всей площади городища — все это вместе взятое создает особые по своей определенности и законченности условия для комплексного изучения предметов материальной культуры древнего «Изяславля»³, в том числе и военных. Среди найденных здесь металлических вещей предметов, связанных с военным делом, насчитывается свыше 1500 единиц, они составляют одну из самых значительных и заметных категорий городищенских находок. По количеству предметов вооружения XII–XIII вв. древний «Изяславль», насколько нам известно, среди одновременных памятников Руси и Центральной и Западной Европы представляет собой выдающееся явление. Найденное на городище оружие и снаряжение всадников выражается в следующих цифрах⁴:

Наконечники копий	40
Наконечники дротиков	2
Боевые топоры	12
Клинки мечей, частично с рукоятями	4
Навершия от мечей	3
Перекрестья от мечей	4
Наконечники ножен мечей	14
Часть сабельного клинка с рукоятью	1
Клинки сабель (обломки)	3
Навершия от сабель	4
Перекрестья от сабель	13
Манжеты для скрепления верхней части клинка с перекрестьем	3
Кольца от сабельных ножен	3
Стержни для удержания колец на ножнах	9
Наконечники сабельных ножен	3
Кинжал	1
Булавы бронзовые и железные	22
Кистени бронзовые, железные, костяные и каменные	9
Наконечники железных стрел	977
Наконечники костяных стрел	17
Костяная накладка от рукояти лука	1

³ Отождествление с летописным волынским Изяславлем раскопанного М. К. Каргером городища в настоящее время оспаривается рядом исследователей, поэтому данное название берется в кавычки. — Прим. К. Михайлова.

⁴ Учтены целые вещи и их обломки. Такие изделия, как подковы (32 экз.), удила (195 экз.) и втоки копий или, скорее, оковки шестов можно отнести к вооружению лишь условно. При классификации мечей и сабель навершия и перекрестья целых вещей рассматриваются вместе с таковыми же, но найденными отдельно. Отсюда некоторая разница в цифрах приводимого перечня и типологических таблиц.

Петля костяная от колчана	1
Кольцо для натягивания тетивы	1
Наконечники арбалетных болтов	17
Крюк для натягивания арбалета	1
Шаемы	2
Маска-наличник	1
Кольчуга целая	1
Кольчужные обрывки	10
Шпоры	270
Стремена	44
Навершия костяные и бронзовые от плетей	3

Из перечня видно, что большинство найденных военных предметов не единичны. Их классификация имеет дело не с отдельными разрозненными находками, а с целыми сериями изделий, нередко массовыми, однотипными по формам и изготовленными во множестве в непродолжительный отрезок времени. В этом составе доля уникальных вещей и индивидуальных характеристик невелика. В настоящий момент, по нашему мнению, вряд ли какойнибудь другой раннесредневековый русский памятник может дать историку оружия столь массовый и разнообразный материал для уверенных типологических построений. Достаточно сказать, что обработка почти всех категорий «изяславльского» вооружения может быть выражена в схематических обобщениях. В истории отечественного оружия, да и не только отечественного, исследование такой массы более или менее одновременного и четко определенного материала поможет установить точные технические эталоны, наконец, лучше проследить, как видоизменялись важнейшие средства борьбы.

Агония города оставила хаос вещей. Оружие оказалось разбросанным по всей площади городища довольно бессистемно. Характерно, однако, что оно почти ни разу не найдено вместе с достаточно частыми здесь орудиями сельского хозяйства. По составу и типам оружия резко не выделялись ни детинец, ни посад, не было обнаружено кузнечных, в том числе оружейных, мастерских. Военные находки, как правило, не удавалось связывать с определенными жилыми, складскими или производственными сооружениями, за исключением привальных клетей. Находки отдельных вещей тяготеют к этим последним как по условиям хранения, так и использования в критическое время защиты и штурма. В районе оборонительных сооружений (представленных в своей нижней части цепочкой клетей) обнаружены все целые мечи, наконечники ножен мечей, также копья, самострельные болты, парные шпоры, некоторые булавы и кистени, множество стрел. В руинах воротной башни посада, на которую было направлено острие неприятельского штурма, было встречено до десятка обгорелых копий и останки сгоревшего воина в кольчуге, посеребренном шлеме с копьем, мечом и, видимо, арбалетом. Судя по экипировке, речь идет о знатном воине, возможно, командире и предводителе, погибшем на передовом и в тот момент самом важном участке обороны города. Неподалеку от ворот в завале одной из клетей был открыт меч и рядом скелет человека, некогда одетого в одежду. Во всех остальных случаях топографическое распределение оружия мало что говорит о его конкретных владельцах и часто свидетельствует о своем смещении по отношению к предполагаемым местам первоначального расположения.

Оружейные находки напоминают разбитую мозаику, в которой уцелели немногие составляющие, а мы пытаемся представить себе все изображение. Найденные предметы не составляют и не составляли полного городского арсенала, и объясняется это обстоятельствами военной катастрофы. Оставшимся после побоища оружием могли воспользоваться те, кто осуществил поверхностную очистку городской территории. Несомненно, однако, что боевая техника побежденных стала первейшей добычей татар, которые всегда (за исключением разве лука и стрел) испытывали нужду в металлическом оружии, железе, кузнечных инструментах, мастерах-оружейниках и не гнушались сбором криц и топоров в качестве трофеев (Плано Карпини, Рубрук 1911: 67; Владимирцов 1934: 43; Мункуев 1965: 76, 139). Характерно, что завоевателей, по-видимому, не прелыщали орудия сельского хозяйства (они дошли до нас в большом количестве, группами, в нетронутом виде), гончарная посуда, некоторые бытовые вещи. Вероятно, равнодушны были монгольские всадники и к орудиям войны, чуждым их тактике, например, шпорам и таким средствам ограниченного боевого действия, как булавы и кистени. Вряд ли представляли для них ценность военные вещи, негодные к практическому использованию. Неслучайно поэтому археологам достались по большей части изломанные или случайно уцелевшие в руинах и завалах построек вещи. Неслучайно также, что среди городищенских находок самыми массовыми после стрел оказались шпоры (последние не были нужны и осажденным, сражавшимся на стенах крепости).

Историко-техническая и источниковедческая ценность городищенского вооружения не умаляется, однако, тем, что оно найдено, так сказать, в неполном составе. Совокупность находок открывает возможность не только для формально типологических штудий, но для познания таких явлений, как тенденции и темп развития, степень распространенности и использования тех или иных технических средств, социальный состав и вооруженность «изяславльского» гарнизона.

Что можно сказать о защитниках «Изяславля»?

Вся раскопанная внутренняя территория города представляла, по-видимому, не поле брани, а место казни и избиения в основном мирного населения. Первые антропологические наблюдения и характер обнаруженных костных травм показали, что захватчики, очевидно, уже после взятия крепости методически убивали не оказывавших сопротивление безоружных людей: «значительная часть ранений была нанесена сзади и сбоку. Такие ранения холодным оружием могут быть нанесены уже раненому, поверженному и даже связанному пленному. Рубили лежавших ничком стариков, старух, детей» (Рохлин 1965: 209-210). Предполагаемое нами количество человеческих жертв превышало 2500, общая же численность населения, учитывая жителей окрестного загородья и приселков, погибших вне крепостных стен, угнанных и избежавших гибели, вероятно, могла быть более 3000-3500 человек. После погрома немногие, вероятно, случайно уцелевшие люди собрали тела мертвых и, как могли, их присыпали. Эта «санитарная» уборка коснулась всей площади, где прежде был город. Отныне «Изяславль» представлял сплошное кладбище с сотнями братских могил, в буквальном смысле «город мертвых». О наличии бойцов остается судить не по руинам домов и могильным холмам, а по разбросанному и случайно не подобранному врагом оружию. Здесь, однако, простые цифровые сопоставления не всегда принесут верный результат. Приведем, например, некоторые цифры о соотношении целых и ломаных вещей. Из 40 копий неповрежденными оказались 30, из 12 топоров хорошими — 7 (у остальных сплющен обух или обломано лезвие). Все найденные сабли достались археологам в частях и обломках, а из 8-12 реконструируемых мечей действующими в древности были четыре. Среди 280 шпор только четыре найдены попарно, 73 были целыми; из 44 стремян полностью сохранились 11; из 14 наконечников ножен мечей девять были в обломках. Часть вещей была повреждена в момент битвы и пожара (от пожара и обрушения построек гнулись стрелы, копья, плавились булавы и из них вытек свинец, растрескался шлем, спеклась кольчуга), другая часть подверглась постепенному коррозийному разрушению (особенно небольшие, деликатные вещи — шпоры, стрелы). Следует при этом отметить, что в городищенской почве металл сохраняется относительно неплохо. Некоторые топоры после очистки обрели хороший рубящий край, задвигались кольца удил, пики обнаружили первозданную остроту, а стрелы — лезвия, заточенные напильником.

Часть металлического лома и боя может быть приурочена не ко времени погрома и действию последующих веков 5 , а к периоду мирной жизни до 1241 г. Эти вещи носят следы многократного использования, изношены, испорчены, иногда это готовые детали или же брак производства. Таковы шпоры с обрубленными дугами, обломанные петли и шипы от шпор, сработанные топоры, обрубки клинков, невыделанные стрелы, сломавшиеся и затупленные лезвия от копий, сабельные перекрестья, лишенные приспособлений для крепления на полосе, несмонтированные на мечах детали рукоятей. Поврежденные вещи и их детали для нас иногда не менее важны, чем хорошо сохранившиеся, так как свидетельствуют о местном производстве, о быте «мирного времени», заселенности земли. У нас нет точных критериев для определения времени поломки и повреждения всех вещей, однако ясно, что многие из них уже не использовались в момент осады, и мы должны исключить их при определении численности наличного состава местного военного контингента в 1241 г. Дошедшим до нас холодным оружием ближнего боя (копьями, мечами, булавами, кистенями, топорами), с учетом высказанных выше оговорок, можно было вооружить примерно 35–40 человек. Судя же по количеству целых шпор (видимо, наиболее вероятный, с точки зрения истинности и сохранности, показатель), число профессиональных конных воинов могло составлять около 100-150 человек, что по отношению к общей численности равняется 3-5 %. Приведенный процент военизации общества примерно соответствует проценту, вычисленному нами на основании анализа древнерусских могильников XI-XII вв., содержащих оружие (2-6%). Ввиду чрезвычайных обстоятельств в обороне «Изяславля» наряду с конными дружинниками, скорее всего, участвовали и простые пехотинцы и ополченцы, которые не имели шпор. Какими бы ни были силы горожан, они исчислялись максимально, по-видимому, немногими сотнями и не могли долго противостоять многочисленной орде монголов (Плано Карпини, Рубрук 1911: 39)⁶. Переходим теперь непосредственно к обзору археологического материала.

Оружие позднеримского времени

Далеким предшественником «Изяславля» было располагавшееся на его месте поселение первых веков н. э., и среди городищенского оружия удалось выделить ряд форм

⁵ В связи с поверхностным залеганием находок некоторые повреждения могли быть сделаны в недавнее время при распашке.

⁶ Плано Карпини, чрезвычайно точный и наблюдательный разведчик военного искусства завоевателей, в качестве обычной численности осадной армии монголов, направленной против одного города или крепости, называет «три или четыре тысячи людей и больше» (Плано Карпини, Рубрук 1911: 38).

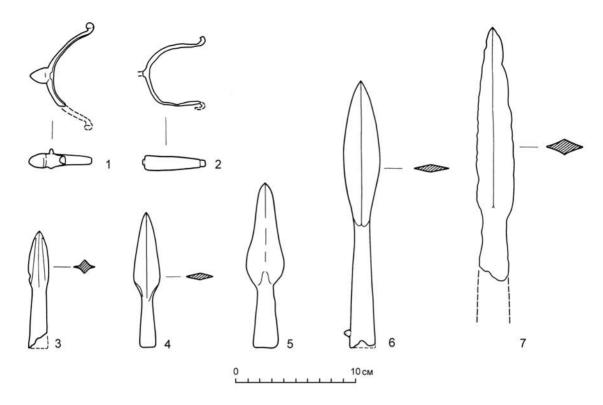

Рис. 1. Предметы вооружения и шпоры позднеримского времени: 1-2 — шпоры; 3-7 — наконечники копий. 1-7 — железо

этого времени. Таковы наконечники стрел, дротик, три копья 7 и две шпоры (рис. 1). Все они найдены в одном слое с вещами XII-XIII вв., и, возможно, некоторые находились уже во вторичном использовании⁸. «Архаические» стрелы, дротик и копья отличаются главным — обтекаемыми формами без резких изломов и перегибов. Относительная легкость, небольшая ширина втулок, изящество линий отличают эти вещи от форм более позднего времени. Оружие римского времени на территории Восточной Европы принадлежит к числу редчайших находок. Наиболее близкие аналогии найденным предметам встречены в некоторых близких волынских памятниках, и особенно в Польше в зоне распространения пшеворской культуры, и относятся к позднему римскому периоду, точнее к III в. н. э. (Kostrzewski 1947: ryc. 12: 4 и сл.; Kietlińska, Dąbrowska 1963: tabl. VI, 17 и сл.; Jacobi 1897: Taf. XXXVIII, 22). Впрочем, шпоры, стрелы, копья, сходные с нашими, распространены на обширном пространстве всей Европы. Формы этого оружия достаточно стабильны, они восходят к кельтским образцам и сформировались еще в позднелатенский период. Таким образом, открытое городищенское вооружение III в. н. э. демонстрирует многовековые традиции кельтской и римской оружейной культуры. Разумеется, с историей русской техники оно непосредственно не связано.

 $^{^{7}}$ Одно копье найдено на территории современного с. Городище и находится в местном школьном музее.

 $^{^8}$ В «Изяславле» найдены также и другие вещи позднеримского времени: керамика, фибулы, гребни, монеты и др. Возможно, что кое-чем из этого случайного набора пользовались жители русского города.

Средневековое вооружение

Копья

Наконечники копий количественно стоят на одном из первых мест (табл. 1). Они были, видимо, самым популярным и массовым средством ближнего боя, что полностью соответствовало военной практике XII–XIII вв.

Таблица І. Наконечники копий

Типы	«Архаический»	I	II	II A	ИБ	III	Тип неопределим	Всего
Количество	2	29	4	2	1	1	1	40

Обращают на себя внимание прежде всего довольно стандартные наконечники длиной $24-29 \, \mathrm{cm}$ (чаще $23-26 \, \mathrm{cm}$) с узким четырехгранным лезвием (обычная ширина $1,3 \, \mathrm{cm}$, толщина $1,0 \, \mathrm{cm}$) 9 , воронковидной тульей диаметром $3,5-3,8 \, \mathrm{cm}$ и обычным весом $150-200 \, \mathrm{r}$ (от $130 \, \mathrm{до} \, 225 \, \mathrm{r}$). Точное наименование этой формы — пики (тип I, $29 \, \mathrm{экземпляров}$) (рис. $2; \, 3: \, 2-3, \, 5-6, \, 9$). У некоторых образцов нижний край тульи снабжен пояском или украшен косой нарезкой, а место перехода лезвия к втулке обозначено утолщением (зародыш «яблочка», характерного для наконечников XVI–XVII вв.). Один наконечник по незначительности размеров и веса (длина $14,5 \, \mathrm{cm}$, ширина втулки $3 \, \mathrm{cm}$, вес $75 \, \mathrm{r}$) следует причислить к юношеским. Другой, являющийся обломком лезвия, доказывает местное производство пик, так как представляет собой «брак производства». Это верхушка пики длиной $14 \, \mathrm{cm}$ (ширина лезвия $1 \, \mathrm{cm}$), но скована она неровно, как бы вчерне — видны вмятины, грани не выровнены, края лезвия тупые.

Среди всего набора копий пики самые легкие и маневренные, однако ширина их втулок свидетельствует о прочном скреплении с толстым древком и большом упоре при ударе. Это неслучайно. Пики служили специализированным кавалерийским боевым инструментом, рассчитанным на пробивание доспеха. Находки пик указывают на присутствие воинов с предохранительным вооружением и конные стычки с таранными ударами. Пики известны на Руси с X в. и особенно широкое применение нашли в XII —первой половине XIII в. в районах, близких кочевой степи (Кирпичников 1966а: 15–17). В южнорусских городах (Княжая Гора, Сахновка, Райки) пики неизменно превалируют среди наконечников других форм. В «Изяславле» они составили 76 % всего количества копий, относящихся к древнерусскому периоду.

Итак, преобладание пик отчетливо свидетельствует о сугубо боевой направленности бывшего в употреблении колющего оружия. Что касается других форм копий, то они могли служить и боевым, и охотничьим целям. К этой категории отнесены наконечники удлиненно-треугольной формы длиной до 40-50 см, шириной лезвия до 4-6 см (при толщине 0,7-1,0 см) и весом 400-700 г. Копья удлиненной формы имеют множество аналогий в русских древностях X–XIII вв. и подразделяются на три разновидности (рис. 2; 3: 1, 4, 7–8). Наиболее традиционными (тип II, 4 экз.) являются наконечники с широким листом и низко опущенными плечиками (угол, образованный изгибом боковой части лезвия и тульей, равен 140°). К следующему виду (тип II A, 2 экз.) относятся копья со скошенными плечиками (угол скошенности около 155°), что позволяло, не меняя веса, несколько вынести вперед

 $^{^{9}}$ В двух случаях ширина лезвия составила 1,7–2,0 см.

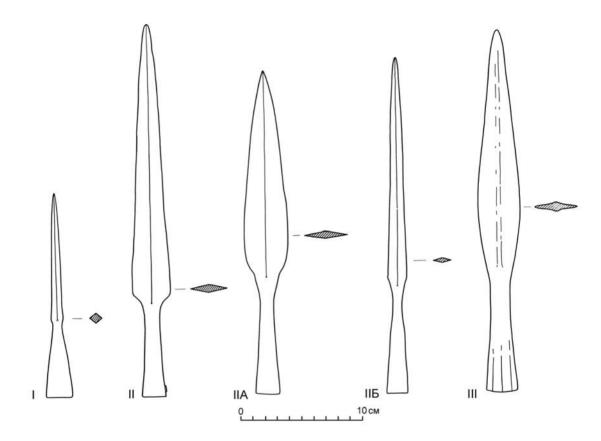

Рис. 2. Типология наконечников копий. Типы I-III

центр тяжести лезвия. Сужение листа и подъем плечиков привели к созданию узколистного наконечника, приближающегося к пике, только более длинного (тип II Б, 1 экз., длина 44 см, ширина лезвия 2,5 см, вес 300 г, угол скошенности 160°). Если первые две разновидности находятся и в городах, и в деревнях, часто среди промыслового и хозяйственного инвентаря, то последняя типична для замков, жилищ феодалов, погребений воинов. Следовательно, речь идет о боевом оружии, трансформировавшемся из универсального оружия (Кирпичников 1966a: 14).

Особняком среди городищенских находок стоит тяжелая лавролистная рогатина (тип III, 1 экз., согнувшийся в пожаре). Рогатины всюду опознаются своей тяжестью, массивностью, прочностью и крупной граненой втулкой (puc. 2; 3: 1). Столь же типичны измерения городищенской находки: длина 48 см, ширина лезвия 5,5 см (при толщине 1,1 см), ширина втулки 4,1 см, вес 1050 г. Рогатина — нововведение XII в. и единственный вид копья, упомянутый в летописи. В древнейшем упоминании (1149 г.) это оружие боевое (ПСРЛ II 1908: стб. 390) 10 , но употреблялось и для охоты на крупного зверя. Так, в 1255 г. Даниил Галицкий, охотясь на вепрей, «сам же уби их рогатиною три» (ПСРЛ II 1908: стб. 830). Тяжелые лавролистные рогатины найдены в нескольких пунктах XII–XIII вв. и всегда по одной или по две. Принадлежность рогатин феодальному охотничьему хозяйству очень правдоподобна, так как на войне, особенно в конной схватке, они были неудобны

 $^{^{10}}$ Я не могу отрицать, что в качестве рогатин употреблялись и длиннолезвийные (около 50 см) наконечники удлиненно-треугольной формы.

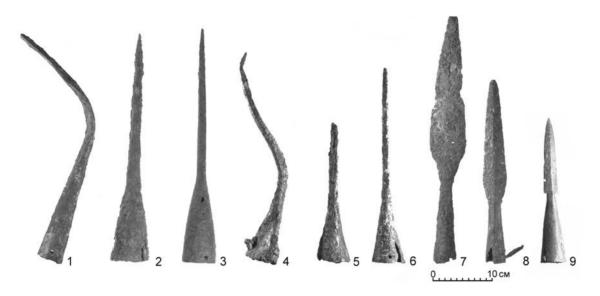

Рис. 3. Наконечники копий: 2-3, 5-6, 9 — пики; 1, 4 — деформированные наконечники копий; 7-8 — наконечники копий. 1-9 — железо

вследствие своей тяжести и необходимости держать их двумя руками. Домонгольские рогатины из «Изяславля», а также Княжей Горы и Колодяжина во всем соответствуют образцам XV–XVII вв. (Городцов 1913: 29, рис. 85). Видимо, развитие этих копий в средневековой Руси начиная с XII в. имело длительные устойчивые традиции.

Итак, весь набор колющего оружия указывает на присутствие конных людей, прежде всего воинов, а затем охотников. В условиях осады копья могли иметь значение и в рукопашных схватках и вылазках, поэтому традиционные конные и охотничьи приемы использования этого оружия могли несколько изменяться в руках спешившихся бойцов и ополченцев, оказавшихся в тесной схватке.

Боевые топоры

Двенадцать найденных боевых топоров следует причислить в основном к пехотному оружию (табл. II). Лишь один из предметов — топорик-чекан, специально боевой, мог использоваться в конной борьбе (тип I, длина 15 см, ширина лезвия 4 см, размер обушного отверстия $2,4 \times 2,1$ см, вес $240\,\mathrm{r}$). В отличие от своих предшественников X–XI вв., наш образец имеет молотовидный выступ обуха (квадратный, а не круглый в поперечном сечении) и треугольные, а не полукруглые боковые щекавицы (рис. 4;5:4). Налицо мелкие детальные изменения конструкции, исключающие хронологическую путаницу.

 Типы топоров
 I
 II
 III
 Bcero

 Количество
 1
 6
 5
 12

Таблица II. Боевые топоры

Топоры с «бородовидным» или вытянутым, несколько расширяющимся к острию лезвием являлись универсальным походным и боевым средством (тип II — 6 экз. и тип III — 5 экз.) (рис. 4; 5: 1–3). Обухи этих топоров снабжены характерными для XII–XIII вв. мысками с жолобообразными выступами для лучшего держания топорища. Топоры двух

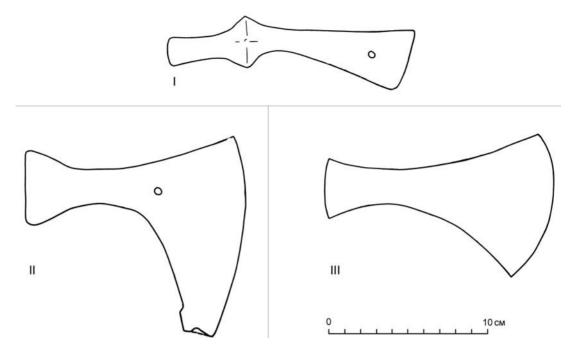

Рис. 4. Типология боевых топоров. Типы I–III

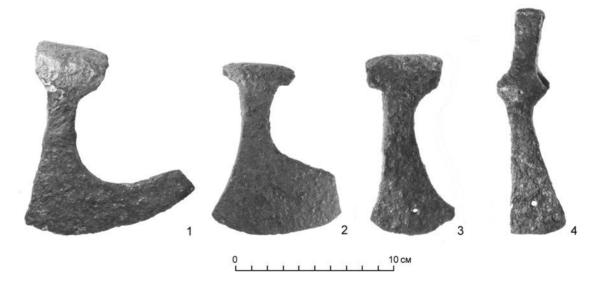

Рис. 5. Боевые топоры: 1–3 — тип II; 4 — тип I. 1–4 — железо

упомянутых типов полностью повторяют богато представленные в городищенских находках формы рабочих топоров 11 , отличаясь от последних меньшим размером, весом, а также наличием дырочки 12 на лезвии, предназначенной для крепления чехла. Типичные размеры походно-боевых топоров следующие: длина лезвия 12-14 см, его ширина 9.0-13.5 см

 $^{^{11}}$ Все рабочие топоры, найденные на городище, по своим очертаниям соответствуют выделенным нами II и III типам походно-боевых секир.

 $^{^{12}\,\}mathrm{Hs}$ 12 топоров дырочка открыта на шести, и в одном случае (тип II) она представляла собой крестообразную прорезь.

(для типа II) и 7,0-8,5 см (для типа III), размер обушного отверстия 2,5-3,0 см, вес 320-380-400 г. Для сравнения отметим, что обычный вес рабочего топора составляет 700-800 г, следовательно, чекан весил в четыре раза меньше производственного топора, а универсальная секира — в два раза меньше. Военные топоры подолгу носились при себе, что и определило их относительно малый вес. О разнообразии в применении походно-боевых топоров свидетельствует высокий процент их поврежденности (5 экз. из 11 топоров относятся ко II и III типам). Эти повреждения сопровождались отломом стальной наварки лезвия, сплющиванием и обломом обуха, они могли возникнуть при очень сильных ударах (как острием, так и обухом) и отнюдь не обязательно в боевой обстановке. Все это лишний раз убеждает, что в употреблении основных групп средневековых секир не существовало пропасти, нельзя также исключить того, что в минуту опасности наряду с военными в ход шли обычные топоры лесорубов и плотников. Полная идентичность в выработке городищенских универсальных и производственных топоров свидетельствует в пользу местного производства тех и других. В целом боевые топоры, встреченные в «Изяславле», представляют три основные формы этого оружия, частично типологически связанного с рабочими образцами (для типов II и III) и распространенного в XII-XIII вв. на всей древнерусской территории.

Мечи¹³

Судя по клинкам и отдельно найденным перекрестьям, минимальное количество несомненно существовавших в «Изяславле» мечей достигало восьми. Если же учесть не менее 14 наконечников ножен (девять из них обломки), то возможное количество соответствующих этим наконечникам клинков можно поднять до 10-12. Фрагментарность материала и его некомплектность заставляют обсуждать не столько целые образцы, сколько их части: лезвия, навершия, крестовины, а также наконечники ножен (табл. III). Однако и эти цифры, вероятно, являются слабым отражением реальной действительности $1241 \, \mathrm{r}$.

Детали Типы	I	II	III	Bcero
Навершия	2	1	3	6
Перекрестья	1	4	1	6
Наконечники ножен	2	12		14

Таблица III. Детали рукоятей и ножен мечей

Четыре сохранившихся клинка побывали в огне, они согнуты и сломаны, но для изучения вполне пригодны и сопоставимы между собой. Все клинки одинаковы по ширине (у перекрестья 5 см) и различаются длиной (97–117 см, собственно лезвие 81–98 см) и весом (хорошо сохранившееся лезвие длиной 94 см, не имевшее рукояти, весит 745 г). У трех клинков рукояти сохранились или их можно реконструировать по остаткам (рис. 6: 1, 3; 7: 1, 3), у четвертого рукоять или вовсе отсутствовала, или была сделана из органического материала (кость, дерево, кожа) и не сохранилась 15 .

¹³ Раздел опубликован в: Кирпичников 1975: 30–54. — *Прим. К. Михайлова*.

 $^{^{14}}$ Нельзя полностью исключить того, что некоторые детали происходят от одного экземпляра.

 $^{^{15}}$ На рис. 6 и 7 не показан сильно разрушенный меч с дисковидным навершием и прямым перекрестьем, аналогичный мечу, изображенному на рис. 6: 3 и 7: 3. Его длина не менее 100 см, ширина перекрестья 15 см.

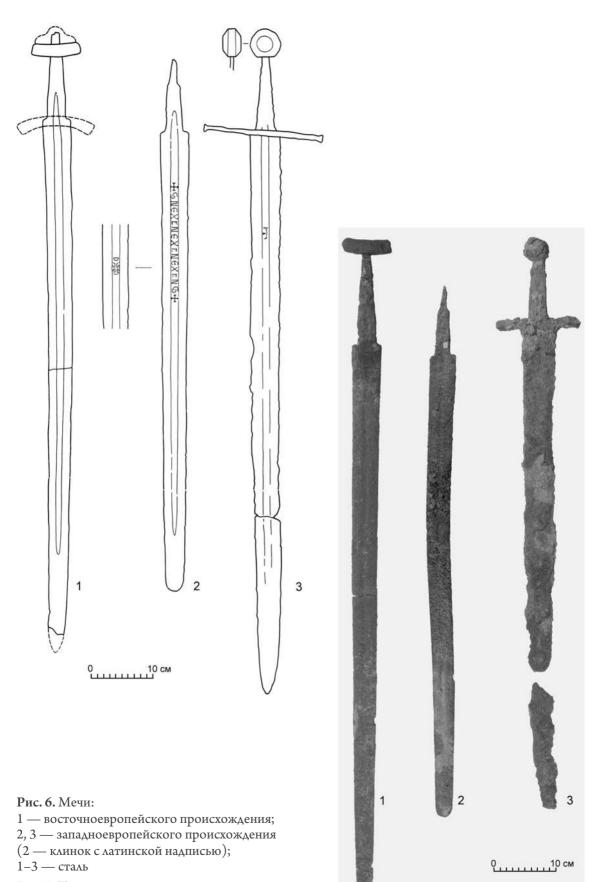

Рис. 7. Те же мечи до реставрации

Все клинки были, несомненно, рубящими, а у того, что без рукояти, оконечность была, по-видимому, нарочно укорочена и округлена. Именно этот клинок был первым, с которого начиналась расчистка древнерусских мечей. После механической очистки поверхности на одной из его сторон проявилась инкрустированная желтым металлом¹⁶ латинская надпись SNEX . NEX . NEX . NS, а на другой стороне, по-видимому, изображение сферы и креста (рис. 6: 2; 7: 2). Поначалу казалось, что надпись состоит из трехкратно повторенного слова NEX — смерть. Однако филолог-классик А. И. Зайцев расшифровал и, думается, убедительно нашу надпись как сокращение, звучащее в полном виде так (восстановленный текст заключен в скобках): S (anctum) N (omen) E (terni) X (risti), N (omen) E (terni) X (risti), N (omen) E (terni) X (risti), N (omen) S (anctum)¹⁷. Польский профессор А. Гейштор предположил, что частично сохранившийся знак, принятый нами за разделитель между частями надписи, является ничем иным, как буквой Е. По его мнению, надпись развертывается следующим образом: S (anctum) N (omen) E (ius) X (ristus), E (t) N (omen) E (ius) X (ristus), E (t) N (omen) E (ius) X (ristus), E (t) N (omen) E (ius). Предложенные трактовки надписи в сущности не отличаются друг от друга и вполне соответствуют духу крестовых походов, очень сильно проявившемуся в надписях на таком привилегированном и «богоизбранном» оружии, как мечи (Кирпичников 1966: 53).

На доле другого меча из «Изяславля» открылись остатки инкрустированной золотом фигуры — по-видимому, креста (puc. 6: 3). Третий расчищавшийся меч (puc. 6: 1) никакого клейма не выявил 18. Открытие латинской надписи и знаков на городищенских мечах было несколько неожиданным, так как свидетельствовало о том, что, как и в X в., на Pусь эпохи развитого городского ремесла продолжали ввозиться западноевропейские мечи. Несомненно, что именно к таким чужеземным изделиям и принадлежал наш клинок с надписью NEX.

О месте изготовления меча, выложенного золотым крестом, судить не берусь. Что касается клинка, не обнаружившего клейма, то он был снабжен рукоятью, характерной для Восточной Европы (puc. 6: 1; 7: 1). Здесь имеется в виду полое внутри трехчастное навершие типа II и несколько изогнутое, также полое, перекрестье (puc. 8). Пять мечей XI — первой половины XIII в. с аналогичными рукоятями обнаружены в разных местностях древней Руси (Там же: 53-54).

К мечам XII–XIII вв., чье распространение также ограничивается Восточной Европой, относятся два городищенских полых бронзовых пятичастных навершия (тип I) (puc. 8; 9: 1–2), один, лучше сохранившийся, шириной 5,4 см, высотой 3,2 см, весит 90 г, и полое бронзовое слегка изогнутое перекрестье (тип I, рис. 4; ширина 8,7 см, высота 1,3 см, вес 40 г). Описанные бронзовые детали неоднократно были найдены в юго-восточной Прибалтике, Волжской Болгарии и на Руси (Там же: 53), но лишь в «Изяславле» они происходят из хронологически четкого комплекса.

К мечам с трех- и пятичастными навершиями и небольшими изогнутыми крестовинами относились, по-видимому, два орнаментированные бронзовые наконечника

¹⁶ Инкрустация почти не сохранилась. От нее остались бороздки, напоминающие гравировку. Надпись и изображение располагались в верхней трети дола клинка и сделаны, судя по почерку, опытной, натренированной рукой.

 $^{^{17}}$ Перевод: «Святое имя вечного Христа, имя вечного Христа, имя вечного Христа, имя святое».

 $^{^{18}}$ Четвертый меч, отмеченный как плохо сохранившийся и не помещенный на рис. 6, не расчищался.

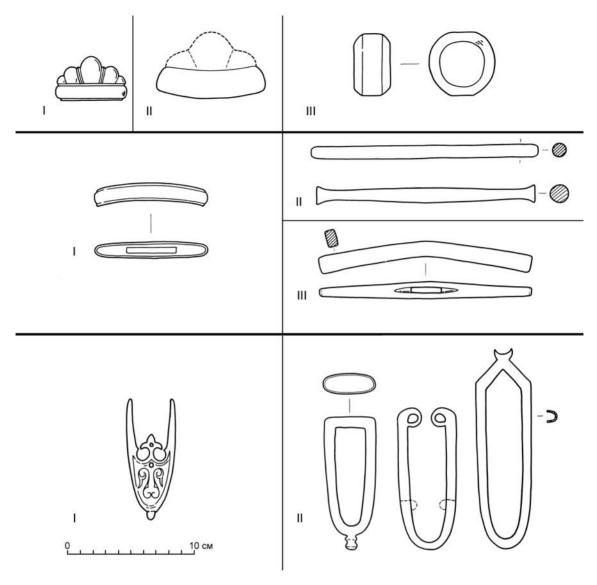

Рис. 8. Типология деталей мечей: навершия (верхний ряд), перекрестья (средний ряд), наконечники ножен (нижний ряд)

ножен (тип I); высота лучше сохранившегося 8,4 см, ширина 4 см, вес 70 г. Форма наконечников одинакова, но орнаментация различна. В первом случае это растительный побег, во втором — схематическая, небрежно выполненная композиция, центром которой является крест (рис. 8; 9: 5, 6). Наконечники первого вида найдены в юго-восточной Прибалтике, Калининградской области, в западной Белоруссии и Киеве и относятся к XI–XII вв. Наконечники второго вида (группа a, подгруппа c по классификации Паульсена) обнаружены в Финляндии, Эстонии, Латвии, Польше, Калининградской области, по одному в Киеве и Подолии и датируются XI–XIII вв. (Paulsen 1953: 107 и сл.; Корзухина 1950: 68, табл. 1, 54–59). В этом же ряду находятся городищенские находки — одни из самых поздних по дате.

Больше всего наконечников ножен XI–XIII вв. с трилистником, расходящимися растительными побегами и «крестом и усиками» зарегистрировано в Латвии. Здесь и, в частности,

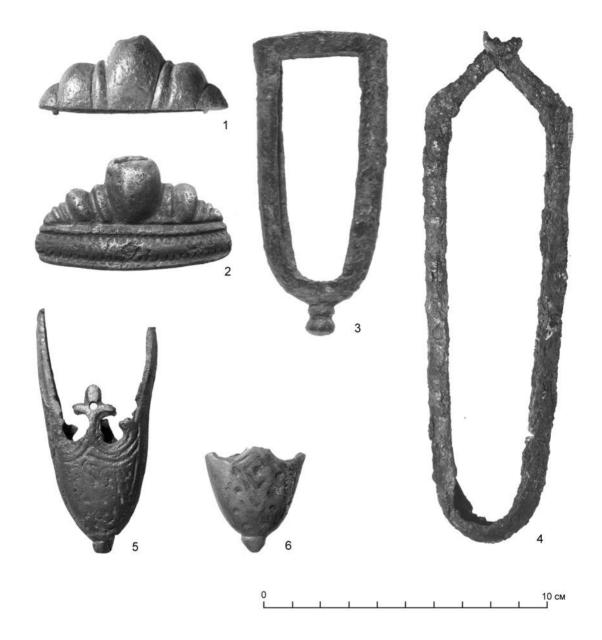

Рис. 9. Детали мечей: 1-2 — навершия мечей I типа; 3-4 — наконечники ножен мечей II типа; 5-6 — наконечники ножен мечей I типа. 1-2, 5-6 — бронза; 3-4 — железо

в известном Пассельнском могильнике обнаружены отливки, наиболее близкие городищенским (Мугуревич 1965: табл. VI, 2, 5, 6; Paulsen 1953: Abb. 164, 167, 168, 170). На основании географической приуроченности значительного количества находок упомянутые наконечники, а равно и клинки с трех- и пятичастными набалдашниками (рассмотренные выше типы I и II) получили название куршских. Курши (их языческие древности обильны) действительно производили многое из своего оружия, но связывать обязательно с их именем похожие формы ножен, встреченные в разных концах Восточной Европы, вряд ли правильно. У нас, в частности, нет оснований все бронзовые детали «изяславльских» мечей и наконечников ножен обозначать как куршский импорт. Скорее речь идет о родственных типах оружия, выработанных и распространенных в ряде соседствующих балто-славянских стран.

В отличие от предыдущих находок, нижеследующие представляют собой рыцарские романские мечи, имевшие общеевропейское распространение. К таким предметам относятся два клинка с сохранившимися рукоятями (один, длиной 117 см, весит 1200 г, см. примечание 15), дисковидные навершия (два на упомянутых двух мечах, третье отдельно, тип III, в поперечнике 5 см, вес 275 г) и стержневидные прямые или с расширяющимися концами и коленчато изогнутые крестовины (два на упомянутых двух мечах, три отдельно, типы II и III, длина 16,5 и 17,2 см, высота около 1 см, вес 95–98 г) (рис. 6: 3; 7: 3). Из приведенных данных следует, что романские мечи были довольно длинными и массивными, а их рукояти были в три раза тяжелее восточноевропейских (общий вес набалдашника типа III и перекрестья типа II или III — 370–380 г против 130 г у навершия типа I и перекрестья типа I). Речь, следовательно, идет о тяжелом и мощном оружии с ощутимым навершием-противовесом, позволявшим выполнять простейшие фехтовальные манипуляции, и длинным перекрестьем (в наших примерах — до 20 см), приспособленным для парирования сильных встречных ударов.

Детали романских мечей, аналогичные нашим, в европейской оружиеведческой литературе датированы довольно точно. Дисковидные со срезанными краями увенчания мечей появились около 1180 г. (Oakeshott 1960: 225, fig. 106)¹⁹, сам же диск, первоначально плоский, возник в начале XII в. Таковы все три набалдашника (тип III), встреченные в «Изяславле». Судя по западноевропейским примерам, стержневидное, круглое в поперечном сечении перекрестье типа II характерно для первой половины XIII в. (Ibid.: 232)²⁰, а стержневидное перекрестье с расширяющимися концами, также круглое в поперечном сечении типа II, было особенно популярно в $1200-1270\,\mathrm{rr}$. (Ibid.: $233-234)^{21}$. Коленчато изогнутая крестовина типа III появляется в Западной Европе в позднем XII в., а около 1250 г. приобретает квадратное или прямоугольное сечение (рис. 8). Таким образом, все перечисленные детали романских мечей являлись техническими нововведениями примерно 1200–1250 гг. и существовали в волынском «Изяславле» приблизительно в то же время, что и в рыцарской Европе. А перекрестье типа III с прямоугольным поперечным сечением у нас появляется даже раньше принятой Оукшотом даты, являя собой показательный пример удивительной быстроты распространения и восприятия средневековых оружейных изобретений.

К общеевропейским рыцарским мечам относились железные довольно простые и утилитарные наконечники ножен в виде U-образных желобчатых окантовок типа II, не менее 14 экземпляров, высота 3.8-12.4 см, ширина 4.0-4.5 см, вес 15-40 г (рис. 8; 9: 5-6). Даже самые крупные из этих наконечников в два раза легче бронзовых, то есть они не должны были отягощать и без того тяжелый меч. Наконечники-окантовки были довольно хрупкими и, судя по находкам, часто ломались. Подобные формы в простейшем виде появляются на западноевропейских изображениях рыцарей середины XII в., а в последующие два века приобретают ряд усложнений в местах соприкосновения желобков (London Museum 1954: 230, fig. 36: 1, 2, 5, 7). Таковы и «изяславльские» наконечники ножен с выступом-шариком на оконечности и завитками или полумесяцами сверху. Подобные вещи, если не считать одного экземпляра первой половины XIII в. из Смоленской области (Седов 1960: рис. 37: 7), впервые встречены на Руси и доказывают, что общеевропейская рыцарская мода

 $^{^{19}}$ Ha Руси XII–XIII вв. мечи с дисковидными навершиями были самыми распространенными.

 $^{^{20}\,\}mathrm{Tun}$ этого перекрестья оставался в употреблении до $1350\,\mathrm{r.}$

 $^{^{21}\, \}Im \mathrm{Ta}$ форма, по указанию автора, также удерживается до 1350 г.

проявлялась в общности форм не только самого оружия, но и всего портупейного гарнитура и, очевидно, способа пристегивания и ношения ножен.

Итак, рассмотрение городищенских мечей выявило существование двух разных по форме и происхождению 22 наборов деталей мечей. Столь своеобразное сочетание, объясняемое контрастами русской военной практики, известное нам раньше лишь по разрозненным находкам, в комплексном виде предстало впервые.

Сабли

Количество сабель, если судить по обломкам лезвий и перекрестьям, приближалось к 14, то есть почти в два раза превышало твердо установленное количество городищенских мечей. Общее преобладание сабель над мечами, видимо, типично для «Изяславля» как южнорусского и близкого к степи города, однако в точных сравнениях следует быть осторожным. Мечей в «Изяславле», как упоминалось выше, было, вероятно, больше восьми, а сабельные перекрестья, которые главным образом использовались для подсчетов, не всегда эквивалентны своим клинкам. Эти перекрестья менее прочно, чем у мечей, скреплялись с основой и чаще могли ломаться и заменяться при ремонтах. В этой связи отметим, что из найденных 13 перекрестий одно обломано, а у девяти не сохранились поперечные овальные пластинки с прорезями, служившие для соединения гарды с полосой.

Все сказанное касается надежности цифр и не отрицает очевидного факта большой популярности сабельного боя в «изяславльских» местах.

Все сабельные полосы (их четыре) дошли обломанными, наилучшими были те, у которых отсутствовала нижняя треть (длина двух из них 64-65 см, ширина лезвия у перекрестья 3,2 см, вес 445-560 г) (puc. 10). Один клинок (длина 70 см, ширина 4,2 см, оконечность обломана) сохранил навершие, одну скобу для привешивания и наконечник ножен. Этот образец был на 1 см шире других и, следовательно, тяжелее (вес 720 г, первоначально не менее 1000 г) (puc. 10: 2; 11) 23 . Все клинки немного и плавно искривлены и снабжены рукоятями, несколько наклоненными в сторону острого края лезвия, а некоторые имеют односторонний дол. Сабли, подобные описанным, не редкость в раннесредневековых русских и кочевнических древностях с той поправкой, что тяжелые и широкие полосы появились, по-видимому, в последнее столетие домонгольской Руси (Кирпичников 1966: 61-72).

К сабельным лезвиям имеют отношение три манжета, прикреплявшиеся у эфеса и служившие подпорками для перекрестий (*puc. 12*, нижний ряд, среднее изображение).

«Изяславль» — пока единственное место, где найдены все формы перекрестий, известных на Руси в XII–XIII вв. (рис. 12, средний ряд, табл. IV). Таковы, прежде всего, восемь популярных в XI–XIII вв. гард ромбической формы (тип I, длина 7,2–11,5 см, высота 1,2–2,2 см, вес 15–50 г, в среднем около 35 г). Мысовидные щитки этих крестовин останавливали удар, скользящий вдоль широкой стороны клинка. Несколько видоизмененной формой является гарда с ромбической серединой и опущенными вниз концами (тип IA, 2 находки, длина 6,9–8,9 см, высота 1,8–2,5 см, вес 25–55 г). Эти перекрестья противостояли вражескому удару независимо от того, с какой стороны он шел вдоль полосы защищавшегося. Описанная конструкция найдена на Руси и в Волжской Болгарии в немногочисленных экземплярах, она возникла где-то в первой половине XIII в. (Там же: 70). Приблизительно к этому же времени относятся и два городищенских перекрестья

 $[\]overline{^{22}}$ Здесь я имею в виду не места изготовления конкретных вещей, а районы сложения самих типов.

 $^{^{23}}$ Сабля опубликована в: Кирпичников, Коваленко 1993: 127, рис. 3: 1. — Прим. К. Михайлова.

с пластинчатыми расширениями на концах (тип IБ, длина 12,1-12,4 см, высота 1,4-1,7 см, вес $40\,\mathrm{r}$). Что касается крестовины с ромбически расширенной серединой и прямыми стержневидными концами (тип II, 1 экз., длина 13,5 см, высота 2,5 см, вес $45\,\mathrm{r}$), то здесь встречный удар противника приходился не на изогнутую, а на прямую плоскость, то есть так же, как у крестовины романского меча. Такого рода перекрестья, выдающие влияние меча (Медведев 1959: рис. $1:8)^{24}$, встречены кроме «Изяславля» на Княжей Горе, в Воинской Гребле и Волжской Болгарии и сформировались, по-видимому, в $1200-1240\,\mathrm{rr}$. (Кирпичников 1966:72) в зоне, где тесно переплетались борьба прямой и искривленной полос.

 Типы
 I
 IA
 IB
 II
 Всего

 Навершия
 5
 5
 5

 Перекрестья
 8
 2
 2
 1
 13

Таблица IV. Сабли (детали рукоятей)

Сочетание всех описанных перекрестий свидетельствует об активных поисках оружейников в создании конструкции, лучше защищавшей руку бойца, и о распространении приемов многоактной рубки в кавалерийском бою. Если при исследовании мечевых перекрестий мы часто искали западные прототипы, то преобразование сабельной конструкции лучше, видимо, связать с восточноевропейской или русской военной практикой. Важно отметить, что появление большинства описанных выше сабельных гард заведомо не связано с монголами, так как аналогичные находки частично встречены в городских слоях домонгольского времени, не затронутых погромом 1237–1241 гг. (например, в Новгороде).

Различные сабельные перекрестья годились для клинков и легких, и тяжелых. В отличие от мечевых, сабельные гарды всегда отличают легкость и деликатность в изготовлении. Однако даже среди этих небольших форм встречены совсем незначительные по своим размерам, можно сказать, карликовые. Таковы две гарды типов I и IA, длиной 6.9-7.2 см, высотой 1.8 см, весом 15-25 г, предназначавшиеся для полос (судя по внутренним прорезям) около 2.5 см шириной. В этом случае подразумевается очень легкое, возможно, юношеское оружие.

Перекрестья были самым подвижным элементом сабельной конструкции. Все другие детали отличались большой стабильностью. Назовем пять наверший (тип I, высота 1,5-4,2 см, ширина 2,5-4,0 см, вес 13-25 г) (рис. 12, верхний ряд) и 3 наконечника ножен (высота 4,2-7,4 см, ширина 4,1-4,5 см, вес до 55 г) (рис. 12, нижний ряд, правое изображение). И те и другие имеют уплощенно-цилиндрическую форму и выглядят очень утилитарно. Все украшения сводились к омеднению поверхности (то же можно предполагать и по отношению к некоторым из перекрестий) или фигурному вырезу краев. К ножнам относились кольца (3 экз.) и особые стержни с коленчато-загнутыми концами (9 экз.). Последние обеспечивали неподвижное крепление колец к деревянной основе ножен (рис. 12, нижний ряд, среднее изображение).

Галерею белого оружия из «Изяславля» заключает редкий и нетипичный для своего времени двулезвийный кинжал, общая длина 21,2 см, ширина лезвия 3,2 см, вес 80 г (рис. 13). Среди городищенских ножей есть довольно длинные (свыше 20 см), которые могли

 $^{^{24}\,\}mathrm{B}$ Новгороде несколько измененное перекрестье описанного типа относится к мечу XII в.

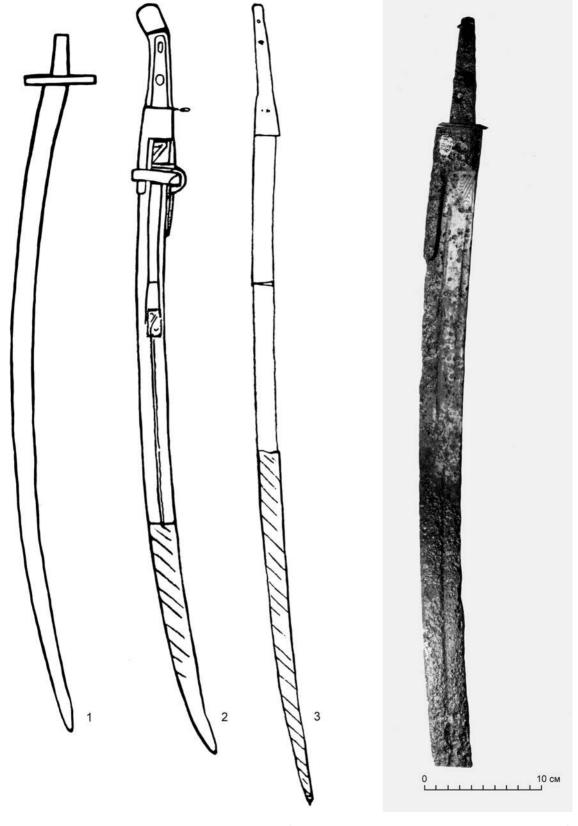

Рис. 10. Образцы сабель (рисунок из личного архива А. Н. Кирпичникова) **Рис. 11.** Сабля с орнаментированным клинком. Сталь

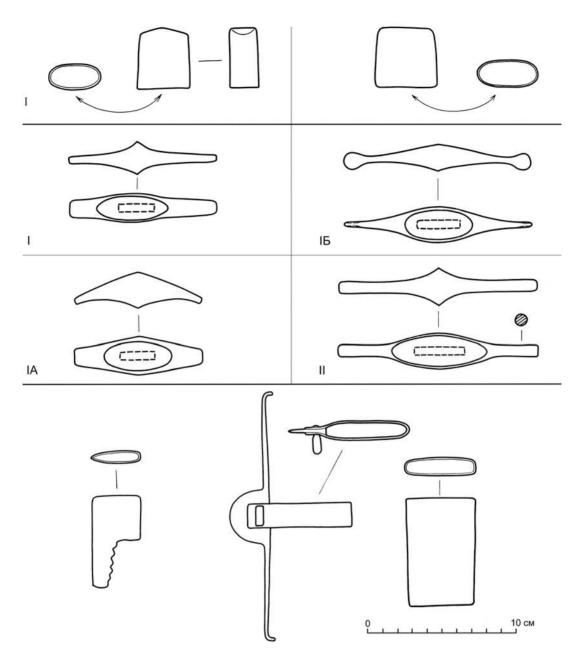

Рис. 12. Типология деталей сабель: навершия (верхний ряд), перекрестья (средний ряд), деталь подвеса и наконечники ножен (нижний ряд)

использоваться в рукопашном бою. Однако основное назначение всех древнерусских ножей отнюдь не было связано с военными целями.

Булавы

Ударное оружие представлено почти всеми типовыми образцами, существовавшими на Руси в XII–XIII вв. ($puc.\ 14$, табл. V). Самую массовую категорию находок составляют железные булавы в виде куба со срезанными углами (тип I, 14 экз., ширина 2,8–4,5 см, высота 3,2–4,2 см, диаметр втулки 1,7–2,4 см, вес 200–350 г) ($puc.\ 14$; 15: 1-2). Таких наверший

много встречено в ряде южнорусских городов, а также в Волжской Болгарии, Латвии и Самбии, они несомненно принадлежат к простонародному оружию. Об этом же говорит порой грубая и небрежная обработка самих вещей.

Видоизменением описанной конструкции являются кубовидные навершия с односторонним клювовидным выступом (тип ІА, 2 экз., ширина вместе с клювом 6,2-6,8 см, высота 2,1-2,8 см, диаметр втульчатого отверстия 1,3–1,4 см, вес 100–160 г) (рис. 14; 15: 3). Булавы этого типа на Руси найдены впервые и, кроме того, известны также в Волжской Болгарии. Приваренный к ним клювовидный отросток указывает, видимо, направление удара, но он мог использоваться и для подвешивания как крюк. Булавы-клевцы свидетельствовали о стремлении оружейников создать ударное оружие, у которого травмирующая сила сконцентрирована в одном месте. Эти образцы предвосхищают молоты с клювом сокола и булавы-топоры, распространившиеся в XV в. как средство дробления тяжелого стального защитного доспеха (Медведев 1959: 132-137, рис. 5: 5-6). На примере наших клювовидных наверший видно, что соответствующая тактическая необходимость начала проявляться уже в первой половине XIII в. Другой пример формы, возникшей, по-видимому, в тот же период, представляет железное округлое навершие с восемью плавно выступающими гранями (тип IV, 1 экз., ширина 4,6 см, высота 3,8 см, диаметр втулки 2,4 см, вес 180 г) (рис. 14; 15: 6). Такие образцы найдены также в Райках и Сахновке (Кирпичников 1966а: табл. XXV, 5), они фиксируют начальную стадию сложения многоло-

Рис. 13. Кинжал. Железо

пастных наверший-шестоперов. В целом оба вышеописанные типа булав, хотя и кажутся экспериментальными, но закономерно могли возникнуть только в эпоху активного соревнования наступательных и защитных средств.

Детали Типы	I	IA	II	III	IV	Всего
Булавы	14	2	2	3	1	22
Кистени	5		2	2		9

Таблица V. Навершия булав и гири кистеней

Состоятельные дружинники, вероятно, предпочитали не железные, а более нарядные и изысканно отделанные бронзовые навершия с восемью или двенадцатью пирамидальными шипами (тип II, 2 экз., ширина 4,6–6,5 см, высота 4,4–5,5 см, диаметр втулок 1,7–1,8 см, вес одной булавы 200 г; тип III, 3 экз., включая один в обломках, ширина 4,5–6,7 см, высота 4,5–5,6 см, диаметр втулок 2,0–2,4 см, вес $150-170\,\mathrm{r}$) (рис. $14;\ 15:\ 4$)25. Все найденные отливки деталями отличались друг от друга и, следовательно, изготовлены в разных формах,

 $^{^{25}}$ При исчислении веса следует учесть, что все бронзовые булавы побывали в огне, и из них вытек заполнявший внутреннюю полость свинец. Первоначальный вес бронзовых булав мог достигать 300 и более граммов.

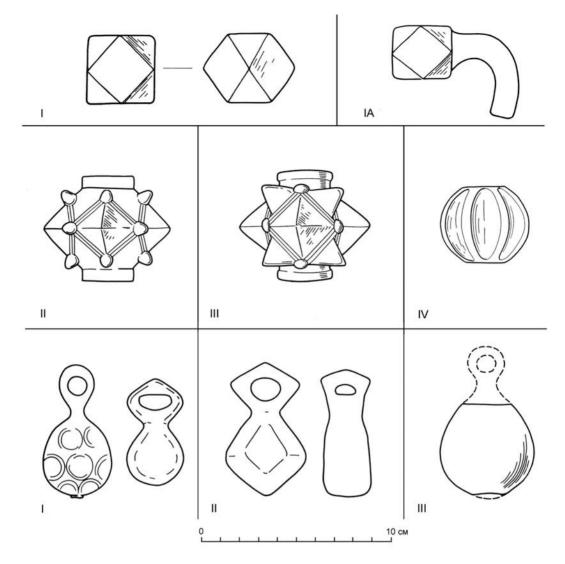

Рис. 14. Типология булав и кистеней: булавы (верхний и средний ряды), кистени (нижний ряд)

а может быть, и мастерских. Анализ форм и поиск аналогий могут приоткрыть местоположение этих мастерских.

Одно из четырехшипных наверший (тип II) сделано довольно грубо, с примитивной по рисунку моделировкой частей и представляет собой, по-видимому, образец какого-то местного «самодеятельного» искусства. Напротив, другая, ныне искусно реставрированная булава типа II похожа на киевскую, найденную в «землянке художника» (Каргер 1950: рис. 23), но она меньше и с частными отличиями в декорировании. Вероятно, речь идет о двух различных сериях высококачественных столичных отливок, близких друг другу по времени своего изготовления²⁶.

В иных случаях о центрах производства можно говорить очень обобщенно. В Южной Руси найдено немало бронзовых 12-шипных булав (тип III), но самые близкие одной из городищенских булав происходят из Асотского городища и могильника (Шноре 1961:

 $^{^{26}}$ Высказываясь в пользу киевского происхождения этой «изяславльской» булавы, я отнюдь не исключаю возможности местного литья по привозным высококачественным образцам.

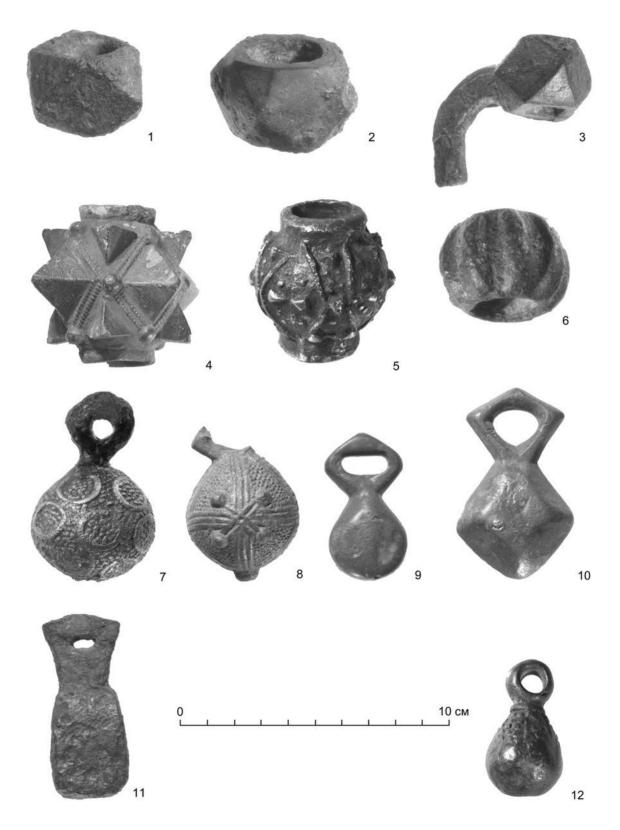

Рис. 15. Образцы булав и кистеней: 1-6 — булавы; 7-12 — кистени. 1-3, 6, 11 — железо; 4-5, 7-10, 12 — бронза

табл. X, 17 и 19; Мугуревич 1965: 54). В этих изделиях латышские археологи справедливо видят русский импорт. Было бы преждевременно утверждать, что асотские навершия отлиты именно в «Изяславле», а не в каком-либо другом русском городе. Будущие исследователи должны уточнить этот вопрос.

«Изяславльцы» не только были знакомы с продукцией киевских булаводельцев, но и, по всей вероятности, могли подражать увиденным образцам. Одна из городищенских булав типа III имеет сглаженные грани, нечеткий орнамент, притупленные края шипов —словом, это явно серийное, не первоначальное изделие. Еще более упрощенная реплика того же типа, что и городищенская, найдена в Оланде (Seitz 1965: Abb. 305, нижний ряд, правый рисунок). «Изяславльская» и шведская булавы предполагают один и тот же недошедший, возможно киевский, оригинал и в таком случае демонстрируют, как огрубление и схематизация литья нарастают по мере удаления изделий от их родины.

Независимо от того, где изготовлены «изяславльские» бронзовые булавы, идет ли речь о привозных предметах или об их копиях, они отражают влияние киевского ремесла и характеризуют русское серийное литье и пути распространения готовой продукции²⁷.

Кистени

Булавы использовались и конниками, и пехотинцами, то же относится и к кистеням. Судя по городищенским находкам, последние были несколько легче булав (средний вес булав 200-300 г, кистеней 100-160 г). И те и другие, однако, употреблялись на войне для того, чтобы оглушить и ошеломить противника.

Все найденные кистени делятся на три типа, между которыми не всегда есть резкая разница (рис. 14; 15: 7–12, табл. V). Наиболее многочисленны бронзовые и железные гири округлых форм (тип I, 5 экз., ширина 2,8–3,5 см, высота 5,3–7,0 см, вес 90-165 г). Они гладкие, граненые или декорированы «крупной зернью», кругами и полосками и увенчаны круглой или продолговатой петлей (рис. 14; 15: 7–9). Описанные образцы имеют в русских древностях целый ряд приблизительных аналогий (Кирпичников 1966а: 59, рис. 12).

Зато бронзовые и железные уплощенные гирьки угловатых очертаний с продолговатыми петлями (тип II, 2 экз., ширина 2,5–4,1 см, высота 6,5–7,0 см, вес $100-120\,\mathrm{r}$) пока нигде не найдены и изготовлены, очевидно, на месте (рис. 14; 15: 10-11). Вне описанных двух типов оказались: костяной яйцевидный кистень с петлевидным орнаментом на поверхности и шиферный — со следами намеченного, но незавершенного орнамента (условно отнесены к типу III, ширина 4,6-5,0 см, высота 4,5-4,6 см, вес шиферного кистеня $165\,\mathrm{r}$). У обоих образцов просверлено отверстие для вставки металлического стержня с петлей (в типологической схеме тип III проиллюстрирован реконструированным шиферным кистенем) (рис. 14; 15: 12). Если костяные кистени обычны в русских древностях X-XIII вв., то шиферный встречен впервые и обнаруживает черты неоконченной, вероятно, местной работы. В целом местный характер многих городищенских кистеней, особенно с редкой в находках XIII в. продолговатой петлей, едва ли может оспариваться. Характерно, что в «Изяславле» не выявлено образцов вооружения ясно выраженного среднеднепровского изготовления, например, грушевидных гирек с черневым орнаментом.

 $^{^{27}}$ На рис. 15: 5 изображена орнаментированная литая булава округлой формы без ярко выраженных выступов и граней. Эта находка не подпадает под типологическую схему древнерусских булав, предлагаемую А.Н. Кирпичниковым. — *Прим. К. Михайлова*.

 $^{^{28}}$ В последнем случае имеется в виду гирька с вытопленным от жара свинцом, ее первоначальный вес около $160\,\mathrm{r}$.

Λ ук и стрелы

Переходя к оружию дальнего боя, отметим, что в «Изяславле» найдены костяные: срединная накладка от рукояти лука, костяная петля колчана и довольно редкое для своего времени кольцо для натягивания тетивы. Перечисленные предметы представляют собой типичный для Восточной Европы гарнитур сложного лука. Как эти изделия, так и большая часть рассмотренных до сих пор других вещей хорошо сопоставляются с формами, распространенными на Руси. Или монголы не оставили в «Изяславле» своего оружия, или мы не можем его опознать, настолько близко оно было древнерусскому. Исключением являются стрелы. Приблизительно две трети всех наконечников стрел найдены сконцентрированными в районе воротной башни посада. Исходя из того, что стрелы, судя по их распределению в культурном слое, не составляли какого-то военного запаса защитников, не происходили из брошенных колчанов, лежали в верхней части слоя с остатками обгорелого дерева, угля и печины, были обожжены и некоторые погнуты, локализовались в углу посада — на месте древнего въезда, куда монголы, как правило, направляли острие штурма при захвате русских городов, можно думать, что эти наконечники пущены вражеской рукой в стены города, то есть они татарские.

Монголы были отличными стрелками, они не любили штурмовать сразу напролом и ввязываться в рукопашный бой («мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно» (Аннинский 1940: 87)), и возвели лук и стрелы как средство ведения боя на расстоянии в степень своего главного наступательного оружия (Анна Комнина 1965: 406). По сообщению Фомы Сплитского, «страшные стрелы татар неминуемо пробивают и приносят верную смерть. Не имеется панциря, щита и вооружения, которые не мог бы пробить выстрел, пущенный татарской рукой» (Strakosch-Grassman 1893: 28).

Действие монгольских стрел, которые, по отзывам современника, «не летят, а как бы ливнем льются» (Аннинский 1940: 87), запечатлено в руинах «Изяславля» с беспрецедентной выразительностью. Насыщенность стрел в районе въезда на городище оказалась настолько велика, что могла бы служить буквальным подтверждением слов летописца «идяху стрелы аки дождь», «стрелы омрачиша свет побежденным» (ПСРЛ II 1908: 6748 (1240), стб. 784).

Судя по количеству добытых наконечников, по городищенским укреплениям в месте штурма было произведено не менее 700–800 выстрелов, а в действительности, вероятно, много больше, так как часть стрел позже наверняка собрали. Массированный, скорее залповый огонь монгольских всадников, по-видимому, буквально изрешетил всю зону воротной башни. Судя по равномерной густоте находок, стрелы не только были направлены в смотровые отверстия заборол, но попадали рядом, в стену. Видимо, особая меткость при штурме была излишней, брали количеством выстрелов и быстротой стрельбы. По сообщению одного восточного источника, кочевнических стрел «в десять раз больше теряется в воздухе или ломается о землю, чем попадает в цель» (Гордлевский 1960: 181).

Наконечники стрел, сходные с теми, что найдены у ворот, оказались и на внутренней территории города, включая детинец. Стрелы нападающих в отдельных случаях, видимо, попадали значительно дальше линии укреплений. Несколько раз на площадке городища были найдены кости и черепа, пробитые стрелами. Эти погибшие, очевидно, оказались жертвами стрелометной подготовки, предшествовавшей началу штурма. Возможно, что вражеская стрела сразила уже упомянутого выше витязя в полном вооружении, так как он, судя по всему, погиб, находясь в башне или на стене.

Надежным критерием принадлежности городищенских стрел монголам (помимо топографии находок) следует считать их повторяющуюся и устойчивую по месту расположения деформацию. Здесь имеется в виду такое существенное повреждение, как резкий перегиб

лезвия стрелы пополам. При этом учитывался и сгиб черешка, но последнее могло произойти и при обстоятельствах, связанных с последующей сохранностью вещи в земле. Из 977 найденных на городище стрел 157 оказались согнутыми (кстати, все они из района ворот), причем 144 наконечника имели устойчиво расположенный перегиб лезвия и часто следы обжига. Места сгиба лезвий удалены от оконечности обычно на 3,5–4,5 см и указывают не что иное, как глубину проникновения стрелы в конструкцию стены (вероятно, дерево-глинобитную). Можно представить, что стрелы были пущены в стену из мощных луков (по указаниям современников Чингис-хана, татарский лук «всегда бывает свыше одной силы») (Васильев 1857: 231) приблизительно с одинакового расстояния; при последующем пожаре и обрушении они сгибались в том месте, откуда торчал свободный конец (рис. 16–17)²⁹.

Стрела, наполовину вонзившаяся в жесткую конструкцию стены, действительно могла пробить, как писал в 1307 г. армянский царевич Гайтон, «почти все виды защитных средств и панцири» (Strakosch-Grassman 1893: 27) и была страшна для всего живого.

Деформированные стрелы чаще всего обнаруживают свое бесспорно неприятельское происхождение. Поврежденные городищенские стрелы относятся к типам, включающим 748 наконечников и практически исчерпывающим основное количество обнаруженных штурмовых стрел (puc. 16-17, табл. VI). Этот набор почти точно соответствует стрелам монгольского Кара-Корума и образцам, найденным при раскопках потерпевших от монголо-татар древнерусских городов (Княжая Гора, Райки, Колодяжин и др.).

Типы Количество стрел	I	IA	II	IIA	ΙΙБ	III	IV	XII	Всего
Количество деформированных стрел	23	5	58	8	2	19	41	1	157
Общее количество стрел данного типа	267	17	206	44	3	62	147	2	748

Таблица VI. Деформированные и целые наконечники стрел

Попытку выделения восточных и монгольских стрел предпринял еще Λ . Нидерле (Нидерле 1956: 377, рис. 120). На русских и монгольских памятниках эти наконечники начали изучать Н. И. Шендрик, А. Ф. Медведев, С. В. Киселев и Н. Я. Мерперт (Шендрик 1958: 166 и сл.; Медведев 1959: 167; Киселев, Мерперт 1965: 190 и сл.)³⁰, но лишь «изяславльские» материалы принесли самое полное на сегодняшний день решение вопроса.

В большинстве древнерусских городов монгольские стрелы если и узнавались до сих пор, то с трудом. Этому есть свое объяснение.

Монголы не были изобретателями своего оружия, а заимствовали его у других, в основном более цивилизованных народов. Для нас существенно следующее высказывание археологов, изучавших Кара-Корум: «Основные формы наконечников монгольских стрел середины XIII в. появились задолго до монгольских походов. Они были известны

 $^{^{29}}$ В пожаре, конечно, могли согнуться не только залетные, но и любые стрелы. Однако у стрел, просто побывавших в огне, мы не могли бы так часто найти постоянный по месту расположения резкий перегиб лезвия.

 $^{^{30}}$ Начало выделения «изяславльских» монгольских стрел было положено нами в докладе 1958 г. Однако тогда не был учтен «фактор деформации» и ряд сравнительных материалов. (Типология стрел, выполненная с учетом городищенских материалов, опубликована в: Kirpichnikov 1986: 100, tab. XIII. — Прим. К. Михайлова.)

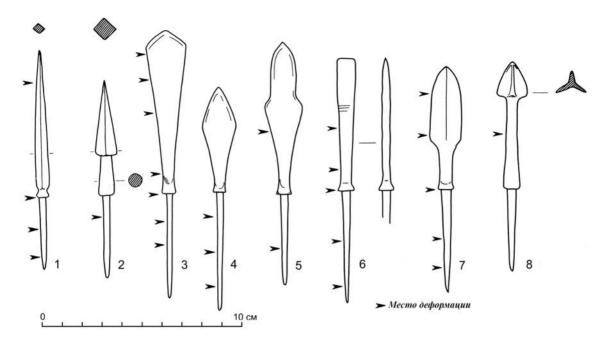

Рис. 16. Основные типы стрел с указанием мест деформации

и на севере Китая, и у племен Южной и Восточной Сибири. Заимствовав эти формы, сообщив им специфические пропорции, монголы в свою очередь широко распространили их по обширным просторам Азии и Восточной Европы» (Древнемонгольские города 1965: 200). Это суждение можно подтвердить и дополнить на отечественных материалах. Монголы пришли из Азии с уже выработанным ассортиментом стрел. Однако некоторые формы, сходные с монгольскими (и шире — с азиатскими), существовали в Восточной Европе и до прихода монголо-татарских полчищ. Тем самым этнические признаки монгольских стрел зачастую оказались стертыми. Априори подтверждают это и городищенские находки. Ниже будет показано, что одни и те же по типу наконечники использовали как русские, так и монголо-татары, различие если и существовало, то часто выражалось в мелких конструктивных деталях. Развалины волынского городка сохранили коллекцию стрел, которую нельзя рассматривать в рамках какой-либо одной «национальной» культуры, для ее характеристики требуется евразийский масштаб.

Среди обнаруженных в «Изяславле» наконечников стрел существовали и русские. К таковым, например, относились спекшиеся вместе стрелы из одного колчана (рис. 18). Удалось «разлепить» эти стрелы, и оказалось, что они хоть и близки тем, которые хотелось бы назвать монгольскими, но отличаются от последних по пропорциям и очертаниям пера. Как будет показано ниже, захватчики пользовались русскими стрелами, взятыми, очевидно, как трофеи или изготовленными пленными ремесленниками. Все это подводит к выводу, что многие стрелы были монгольскими не по форме и происхождению, а лишь по использованию. Опознание наконечников в целом как штурмовых, так сказать, залетных от татар, не заканчивает, а только открывает их изучение. На вопрос о различии и сходстве между монгольскими, вообще азиатскими и русскими наконечниками лучше ответить при анализе конкретных типов этого оружия.

Всего в «Изяславле» найдено 977 железных и 17 костяных наконечников стрел. По форме лезвия и другим особенностям они подразделены на десять основных типов

Рис. 17. Образцы деформированных стрел. 1–20 — железо

(I-X, включая разновидности) и четыре редких типа (XI-XIV); наконец, два типа (A и B) учитывают костяные изделия (puc. 19, табл. VII).

Таблица VII. Наконечники стрел (I–XIV — железные; A, B — костяные)

Типы	I	IA	ІБ	II	IIA	ΙΙБ	III	IV	V	VA	VБ	VI
Количество	267	17	5	206	44	3	62	147	42	19	28	32

Таблица VII (окончание)

Типы	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	Тип неизвестен	Всего	A	Б	Всего
Количество	8	16	33	12	2	4	3	2	25	977	12	5	17

Тип I — один из наиболее многочисленных. Лезвие узкое, четырехгранное, специальное бронебойное, отделено от черешка фигурной шейкой. Размеры: длина с черешком 6,0-15 см, чаще 8,0-10 см, ширина лезвия 0,6-0,8 см, иногда до 1 см. Вес 9-17 г, наиболее обычный 10-12 г. Эти наконечники восходят к формам X-XI вв., но наиболее специфичны для XII-XIII вв., когда они приобретают особое значение как средство противокольчужной борьбы. Никогда еще в раннем средневековье наконечники (на примере типа I) столь явственно не обозначали своей боевой специализации и наступательной направленности. Наконечники описанного типа постоянно встречаются в южнорусских городах, разрушенных монголами, а в Новгороде и памятниках Золотой Орды продолжают фиксироваться и в XIV в. (Медведев 1959: 170, рис. 13: 46–47; Кушева-Грозевская 1928: 28). При определении бронебойных стрел важно учитывать поперечное сечение лезвия. Ромбовидное сечение характеризует русские и кочевнические образцы XI-XIV вв., квадратное, кажется, характерно для форм XIII в., преимущественно монгольских. Четырехгранные стрелы были широко использованы монголо-татарами при штурме города. Две заготовки (длиной 6,1-8,6 см, шириной 0,6-0,9 см), обнаруженные на городище, свидетельствуют о том, что они изготовлялись и русскими. В общем, широкое распространение в Восточной Европе бронебойных наконечников и некоторые их особенности, несомненно, связаны с монголами.

Типы IA и IБ (модификации типа I). Этим стрелам присуще четырехгранное пирамидальное лезвие, назначение бронебойное. Размеры: длина 7–9 см, ширина лезвия 0,7–0,9 см, вес 12–15 г. У образцов типа IA между лезвием и черешком наблюдается резко отделенная круглая шейка, у наконечников типа IБ также имеется шейка, но ее сочленение с лезвием плавное. Описанные различия мелкие, но для этноса существенные. Наконечники типа IA редко встречаются в Восточной Европе³¹, зато они выявлены в монгольских древностях Центральной Азии и в золотоордынских погребениях XIII и XIV вв. (Stein 1928: pl. XXIV, L.R.ііі. 08)³², что в основном и определяет их принадлежность. Пять «изяславльских» наконечников этого типа были найдены деформированными. Представители типа IБ, напротив, известны только по русским памятникам XI–XIV вв. (Медведев 1959: 170, рис. 13: 50).

 $^{^{31}}$ Мне известен пример из Новогрудка (раскопки Ф. Д. Гуревич).

 $^{^{32}}$ Раскопки С. В. Киселева в низовьях реки Хирхиры в Читинской области в 1960 г. Материалы выставки Пленума ИА АН СССР в 1961 г.

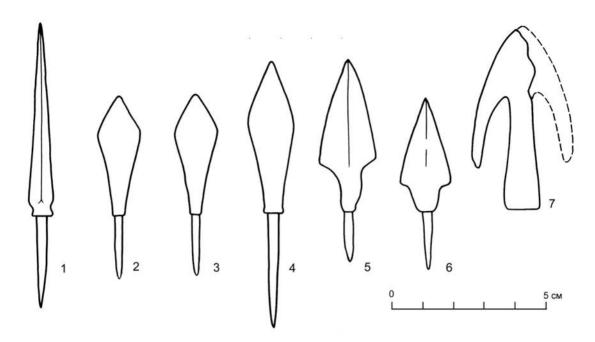

Рис. 18. Древнерусские стрелы из одного колчанного набора. 1–7 — железо

Тип II (с разновидностями) принадлежит к срезням. Для них характерно плоское, расширяющееся к оконечности лезвие. Тип II один из самых многочисленных. Размеры наконечников: длина 8,7-11,5 см, чаще 9-10 см, ширина 1,7-2,3 см (имеются и довольно неширокие 1,3-1,5 см). Вес 12-15 г. Края лезвия обычно сходятся под тупым углом ($100-140^{\circ}$). При переходе лезвия к черешку видно отчетливо выраженное утолщение для упора древка. Наконечники типа II в своих специфических формах и пропорциях распространены от Китая и Сибири до Венгрии и всюду обнаруживаются как след монгольских походов или их позднейшего владычества³³. Характерно, что в Кара-Коруме эти стрелы составляют большинство находок (Древнемонгольские города 1965: 192 и сл., рис. 107: 1 и 108: 1). В Восточную Европу стрелы типа II стали проникать, кажется, незадолго до монголо-татарского вторжения, но их основное распространение связано с монгольской оккупацией и осадами крепостей (Шендрик 1958: 166, табл. IV, 4-13). Во второй половине XIII в. эти наконечники появляются в русских городах, переживших 1237–1241 гг. (Медведев 1959: 167, рис. 13: 32). В «Изяславле» эти стрелы использовались для штурма и чаще, чем другие, носят следы ударов и повреждений. Срезни типа II являются видоизменением более древней азиатской формы, обладавшей лезвием, более приземистым и широким (рис. 19, тип II, правое изображение). Эти наконечники зародились не позже VI–VIII вв. где-то в Центральной Азии, включая Китай и Южную Сибирь, и затем проникли в Восточную Европу, где стали особенно характерны для кочевнических древностей IX-XIV вв. (Древнемонгольские города 1965: 195–196; Медведев 1959: 166, рис. 13: 24)34. Десять таких наконечников найдены в «Изяславле». Их размеры: общая длина 8,5-9,0 см (редко больше), ширина лезвия 2,6-3,7 см, у большинства наконечников режущий край полукруглый. Широколезвийные срезни наносили широкую рану и использовались на охоте и в бою. Совершенно

 $^{^{33}}$ Было бы бесцельно перечислять множество аналогий.

 $^{^{34}}$ На Руси подобные наконечники относятся к IX–XIII вв.

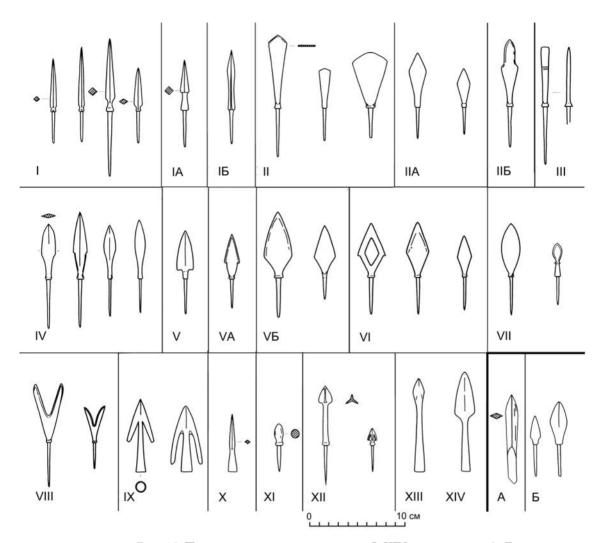

Рис. 19. Типология наконечников стрел: I–XIV — железные; А–Б — костяные

точно они узнаются по описанию Плано Карпини: «Есть у них (то есть у татар. — A. K.) стрелы для стреляния птиц, зверей и безоружных людей в три пальца ширины» (Плано Карпини, Рубрук 1911: 29). Итак, большая часть образцов типа II являются монгольской переработкой азиатского срезня, заключавшейся в сужении и удлинении лезвия. Это пример превращения универсального охотничьего и военного оружия во все более боевое. Военное действие узколезвийных срезней было ограничено стрельбой в первую очередь по незащищенным целям и объектам с большой площадью поражения, например, городским укреплениям и коням (Древнемонгольские города 1965: 198).

Тип IIA. Сходен с предыдущим, но режущий край более заострен и сходится под острым углом (обычно $45-55^{\circ}$). Размеры: общая длина 6,0-11,0 см, чаще 7-9 см, ширина лезвия 1,2-2,3 см, чаще 1,8-2,1 см, вес 10-12 г. Эти наконечники найдены среди штурмовых, но имелись они и у местных жителей. К числу последних относились небольшие стрелы почти без древкового упора (этот упор отчетливо выражен у монгольских форм), образцы из колчана, возможно, некоторые другие. По форме и территории распространения стрелы типа IIA являются евразийскими. Они, в частности, найдены в Монголии, а на Руси отмечаются с IX по XIV в. (Там же: 199, рис. 108:6; Медведев 1959:166-167, рис. 13:20,33). Употреблялись одновременно с узколезвийными срезнями типа II как в бою, так и на охоте.

Тип IIБ. Эти стрелы имеют очень характерный фигурный режущий край лезвия в виде кунжутного листа. Размеры: длина 11,5–12,0 см, ширина острия 1,7–2,0 см. Из трех найденных нами наконечников один снабжен сквозной дырочкой для свиста в период полета. Происхождение кунжутолистных срезней специфически кочевническое, восточное (повидимому, еще домонгольское). Распространены они в основном в XIII–XIV вв., от Монголии до Северного Причерноморья и Северной Болгарии, а в Средней и Западной Европе вовсе неизвестны (Древнемонгольские города 1965: рис. 108: 5; Гаврилова 1965: 46, табл. XXV, 5; Бобчева 1958: 52, обр. 15: 1–3). В русских городах XIII–XIV вв. кунжутолистные стрелы если и встречены, то прямо или косвенно они были занесены монголами (как воинами, так и, по предположению А. Ф. Медведева, ханскими послами, баскаками, вообще людьми, ездившими в Золотую Орду) (Медведев 1959: 166–168, рис. 13: 34–35).

Тип III. Характерно вытянутое прямоугольное лезвие, как бы в виде стамески. Острый край обычно усилен, вероятно, стальной наваркой. Размеры: 8,3–12,3 см, чаще 9,0–9,5 см, ширина лезвия 0,6-0,9 см. Вес 14-16 г. Одна из городищенских стрел имеет прорезь для пропуска поперечки. Обращает на себя внимание особая прочность конструкции, явно рассчитанной на проникновение не в мягкие, а в жесткие ткани. На это указывает и всегда ясно выраженный упорный валик. По версии А. Ф. Медведева, эти наконечники хороши для пробивания и раскалывания щитов (Там же: 169). Таким же целям служили наборные пластинчатые доспехи, шлемы, возможно дощатые козырьки или ставни заборол. Стрелы описанного типа не были в Восточной Европе чужеземной новинкой в XIII в., так как в русских памятниках они фиксируются еще двумя столетиями ранее (Там же: 169, рис. 13: 42). Выступают эти формы и в сибирских древностях монгольского времени (Талько-Грынцевич 1902: табл. VIII (могильник Хойцегор)). Удалось заметить, что у русских наконечников боковые стороны слегка вогнуты, а у кочевнических они строго прямолинейны. Судя по многочисленным деформациям, «стрелы-стамески» в двух своих разновидностях были употреблены монголами при штурме «Изяславля». Не указывает ли это сочетание на разновременный состав оружейников, обслуживавших монгольскую армию? В целом наконечники типа III следует рассматривать как русские и монгольские.

Тип IV. В нашей классификации он последний из наиболее многочисленных; отличается пером ланцетовидной формы, переходящим в длинную шейку. Выделяются две разновидности (кроме того, отмечен ряд нестандартных отклонений, выраженных в низкой или высокой шейке и уступах на плечиках).

Около 130 более крупных и тяжелых наконечников с резко очерченными плечиками принадлежат к первой разновидности (рис. 19, тип IV, левое изображение). Размеры: длина 10,0–12,5 см, ширина лезвия около 1,5 см, его толщина 0,3–0,4 см, обычно заметна грань, вес около 16 г. На Руси подобные наконечники появились еще в IX в. (Ляпушкин 1958: табл. XСІІІ, 16–17) и широко употреблялись в XІІ в. и позже (Медведев 1959: 166, рис. 13: 21, 54; Седов 1960: 81, рис. 37: 3). Находки этих стрел сделаны в Прикамье, а также в Кара-Коруме и Китайском Туркестане (Древнемонгольские города 1965: 199, рис. 108: 8–9; Stein 1928, pl. LXXI, Као. ІІІ.0180). Речь, следовательно, идет о евразийской форме, которую могли воспроизводить разные народы. Судя по ряду производственных признаков — широкому упору, огранке шейки, массивности — городищенские стрелы вышли из монголо-татарских рук³⁵. Стрелы именно этой формы стоят ближе всего к тем, которые описаны

³⁵ Одна из стрел рассматриваемого вида была у конца обломана и вновь заточена. Ремонт наконечника свидетельствует о том, что его однажды подобрали и вновь использовали.

Плано Карпини в следующих словах: «железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча» (Плано Карпини, Рубрук 1911: 29). Среди штурмовых городищенских стрел ланцетовидные, с резко очерченными плечиками, по количеству стоят на третьем месте после бронебойных и узколезвийных срезней, многие из них согнуты.

Ко второй разновидности типа IV относятся около 30 наконечников, более легких и с более плавными очертаниями (puc. 19, тип IV, правое изображение). Размеры: вся длина 6,0–11,0 см, ширина лезвия около 1,3 см, грань часто неразличима, вес 6,0–14,0 г. Черешковое утолщение невелико. Эти образцы восходят к европейским ланцетовидным стрелам IX–X вв., для более позднего времени они известны в Новогрудке³⁶, Райках и Княжей Горе (Гончаров 1950: табл. XIII, 20; Шендрик 1958: табл. III, 1, 9, 12). Русское изготовление этих наконечников весьма вероятно. Среди них мы не встретили поврежденных экземпляров.

В целом ланцетовидные стрелы были достаточно универсальны, что и соответствовало их евразийской популярности.

Типы V, VA и VБ имеют общую черту — удлиненно-треугольное лезвие, различие состоит в деталях, прежде всего в оформлении плечиков. Повреждений почти нет, если не считать семи стрел типов V и VБ, у которых согнуты черешки. Основное назначение скорее охотничье.

Тип V. Изгиб плечиков почти прямоугольный, при переходе к упорному валику виден иногда полукруглый вырез. У большинства легкая грань. Размеры: общая длина 6,7–9,3 см (редко длиннее), ширина лезвия 1,6–2,3 см, чаще около 1,8–1,9 см. Вес около 12 г. Одна стрела длиной 3,2 см и шириной 1 см кажется детской, у другой заточен сломанный конец, то есть починка, очевидно, произошла уже после того, как стрелу однажды использовали. Наконечник типа V оказался также среди стрел упомянутого выше колчанного набора. Стрелы IX–XI вв. с круто изогнутыми плечиками найдены в Венгрии и Болгарии (Бобчева 1958: 47, обр. 9: 1–2). Для более позднего времени они известны в домонгольских поросских курганах, на Кубани (раскопки проф. Веселовского) (ОАК 1898: 18–19, рис. 97), а также в Минске, Старой Рязани, Княжей Горе, Райках и Колодяжине (Монгайт 1955: рис. 143: 5 и 143а: 20; Гончаров 1950: табл. XIV, 14; Шендрик 1958: табл. I, 8–9)³⁷. Все это склоняет к выводу о том, что рассматриваемые наконечники были известны в Восточной Европе и до появления монголов. Возможно, что некоторые из городищенских стрел с заметно изогнутыми краями лезвия (приближаются к типу IV) принадлежали монголо-татарам. Для уверенных этнических разграничений, однако, данных недостаточно.

Тип VA. Плечики при переходе к нижней части лезвия образуют прямоугольные уступы. Все наконечники выглядят довольно стандартно, как будто сделаны в одной мастерской. Размеры: общая длина 5,6–7,7 см (редко длиннее), ширина лезвия обычно 1,5–1,7 см, вес около 7 г. Перо обычно плоское. Одна из этих стрел происходит из колчана, другая, видимо, в спешке была забита во время починки во втулку копья (типа IIA). На Руси аналогичные наконечники зарегистрированы в Новогрудке, Колодяжине и Княжей Горе (Юра 1962: рис. 35: 10; Шендрик 1958: табл. IV, 17). В Прикамье и Дунайской Болгарии эти формы датируются XIII–XIV вв. (Генинг 1954: рис. 61: 2; Бобчева 1958: 51, обр. 13: 1–5), об их монгольском происхождении пока ничего сказать нельзя.

 $^{^{36}}$ Раскопки Ф. Д. Гуревич.

 $^{^{37}}$ Образцы из Поросья, Минска и Колодяжина не опубликованы.

Тип VБ. Переход плечиков к черешковому упору постепенный без уступов. У некоторых образцов упорного валика нет вовсе. Крупных стрел только две, остальные невелики. Размеры: общая длина обычно 6,7–7,7 см (редко 10,3–11,0 см), ширина лезвия 1,3–1,5 см (иногда до 2,3–3,0 см). Грани пера почти неразличимы. Средний вес около 8–10 г. Две стрелы длиной 4,3 и 4,5 см, при ширине лезвия 1,1–1,4 см кажутся детскими. Наконечники описанного вида восходят к древним славянским прототипам и территориально и хронологически распространены очень широко. Некоторые из городищенских образцов со слабо изогнутыми краями лезвия имитируют формы X в., другие отличаются более прямолинейным контуром, и с раннекиевскими их не спутаешь (Медведев 1959: 165, рис. 13: 15–17; Бобчева 1958: 47, обр. 8: 1–2). И те и другие изготавливались, однако, одновременно и постоянно встречаются в русских городах и курганах предмонгольской поры³⁸. Рассматриваемые наконечники всюду в Восточной Европе исследователи связывают с охотничьими занятиями оседлого земледельческого общества, татарам и другим азиатским народам они не свойственны.

Тип VI. У этого типа наконечников перо ромбовидной формы, всегда плоское, у большинства из них обозначен упор для черешка. Размеры: общая длина 7,7–11,3 см, ширина лезвия 1,7–2,9 см, вес около 10 г. У стрел поменьше черешкового валика нет, их размеры: длина 5,7–6,7 см, ширина лезвия 1,3–2,5 см. Ромбовидные стрелы очень древние, они были в ходу в Восточной Европе еще в середине І тыс. н. э. (Медведев 1959: 166, рис. 9: 1–2). Позднее они используются как на Руси, так и у кочевников (Бобчева 1958: 46–47, обр. 6: 1–2; Макаренко 1911: рис. 78: 7; ОАК 1898: 9, рис. 55, третий справа). В XIII–XIV вв. эти формы нигде не преобладали, некоторые кажутся архаичными. Назначение ромбических стрел в основном промысловое, но и на войне им нашли особое применение. Дважды в «Изяславле» и по одному разу в Колодяжине (Юра 1962: 10, рис. 35: 9) и на Княжей Горе найдены наконечники с ромбической прорезью в середине. В эту прорезь могли вставлять зажигательную паклю. Если это верно, то прорезные стрелы являлись средством поджога деревянных построек. Общая характеристика ромбических наконечников как восточноевропейских и домонгольских не отрицает их ограниченного использования монголо-татарами.

Тип VII. Выделяется по плоскому перу лавролистной формы. Крупные наконечники преобладают. Размеры: общая длина 6,2-11,5 см, ширина лезвия 1,8-2,7 см (редко бывают уже), вес 6-10 г. К этим стрелам приложимо то, что сказано о предшествующих. Лавролистные стрелы изредка находят в русских городах XII–XIII вв., для этого времени в целом они нетипичны³⁹. Трактовка этих наконечников как преимущественно русских и восточноевропейских не будет неожиданной.

Тип VIII. Перо раздвоено на два острия. Называются двурогими или вильчатыми срезнями. Режущий край лезвия серповидно изогнут и способен причинить глубокую и мучительную рану. Размеры: длина 6,1-15,8 см, разлет острия 2,0-3,5 см, вес 12-22 г. Вильчатые срезни найдены во многих древнерусских городах X–XIII вв. (Медведев 1959: 167, рис. 13: 26-28). Отчетливое изображение такого наконечника помещено на полях Изборника Святослава (1073 г.). Двурогие срезни в раннем средневековье распространены от Кара-Ко-

 $^{^{38}}$ Такие стрелы найдены в Новогрудке, Гродно, Минске, Старой Рязани, Новгороде, Плеснеске, черноклобуцких курганах Поросья.

 $^{^{39}}$ Основное развитие лавролистных стрел приходится на вторую половину I тыс. н. э. (ср.: Excavations 1961: pl. 40: 11, 14).

рума до Британии, и, судя по письменным и изобразительным материалам, они связаны с охотой (Литвинский 1965: 90–91). Хотя эти стрелы изображены на миниатюрах Радзивилловской летописи в сценах борьбы за города и встречены в составе воинских колчанов, однако их боевое использование сомнительно. Городищенские находки не имеют деформаций, следовательно, их применение при штурме прямо не подтверждается.

Тип IX. В него входят двушипные наконечники, с подавляющим преобладанием втульчатых над черешковыми. Как и предыдущие, это главным образом охотничьи стрелы, рассчитанные на застревание при помощи шипов в теле раненого зверя. Шипы прямые (древняя традиция) или слегка изогнутые (наподобие сабельной полосы). Размер: общая длина 6,0-10,1 см, разлет шипов 2,2-3,8 см, диаметр втулки 1,0-1,1 см, вес 16-18 г. Одна происходит из колчанного набора. Описанные стрелы связаны в первую очередь с европейским миром и начиная с меровингского времени популярны на всем континенте (Чеботаренко 1960: 143, рис. 1: 25). Восприняты славянами как западное заимствование (Sós 1961: 270). В Новгороде эти формы исчезли после 1100 г., а в Южной Руси бытовали и после 1200 г. (Медведев 1959: 161, рис. 13: 1). Производство двушипных стрел было трудоемким, что ограничивало их массовое употребление. Стрельба по боевым целям этими наконечниками не исключена (особенно образцами с короткими шипами), но, кажется, не была эффективной. Среди городищенских находок есть образцы с обломанными шипами, однако отнести все эти повреждения на счет осадной стрельбы было бы неосторожно. К востоку за пределы Восточной Европы двушипные стрелы не выходят. Они очень редки у европейских кочевников 40 и не известны у азиатских.

Тип Х. Втульчатые наконечники с узким четырехгранным пером. Назначение бронебойное. Размеры: длина 5,1-8,6 см, ширина пера 0,4-0,6 см, диаметр втулки 0,9-1,1 см, вес 12 г. Первый случай массовой находки бронебойных втульчатых стрел был зарегистрирован на Екимауцком городище, погибшем где-то в начале XI в. С последующим развитием типа екимауцкие стрелы, приписываемые кочевникам, очевидно, не связаны. К тому же стрелы типа X, распространившиеся в XIII в., в первую очередь в западнорусских регионах, и конструктивно и по происхождению отличны от своих предшественников начала XI в. Речь идет о наконечниках, которые в XIII и XIV вв. стали излюбленными у центральнои западноевропейских рыцарей. Мне известны стрелы типа ${
m X}$ из рыцарских замков Англии (дата 1241–1263 гг.), Швейцарии (вторая половина XIII — XIV в.), Чехии (около 1300 г.) и Польши (первая половина XIII в.) (London Museum 1954: 67, typ 8, no 7; Schneider 1960: 8 и сл., taf. 12; Hejna 1962: 462, obr. 4: 8; Sarnowska 1956: 213–214, t. XLIII, 7). По-видимому, с Запада эти стрелы проникли на Русь, они открыты на Княжей Горе, в Плеснеске, Минске, Новогрудке, Бородине (Шендрик 1958: 171, табл. VI, 7–9; Кучера 1962: рис. 12: 14; Седов 1960: 55: 3). Втульчатые бронебойные наконечники по своей тактической направленности близки к самострельным болтам.

Нижеследующие типы XI, XII, XIII, XIV по незначительности находок принадлежат к редким.

Тип XI. Наконечники сфероконической формы, у оконечности несколько вытянуты, но не заострены. Размеры: длина 5,5 см, ширина ударной части 1 см. Это специализированно охотничья стрела, которой убивали мелких пушных зверей, например соболя, не портя

 $^{^{40}}$ Мне известна единственная стрела типа IX из черноклобуцкого кургана у с. Пешки быв. Киевской губ.

дорогой шкурки. В московское время она называлась «томар стрельный» (Медведев 1959: 161-164, рис. 13:6). «Изяславль» — третий город после Новгорода и Киева, где были найдены два раннесредневековых томара.

Тип XII. Лезвие треугольных очертаний, трех- или четырехлопастное. Шейка длинная или отсутствует вовсе, чем и объясняется разница в длине. Размеры: длина с черешком 4,5—10,0 см, ширина лезвия 1,0—1,5 см, вес до 12 г. Один из наконечников деформирован при штурме. Эти стрелы по одной найдены также в Райках и Княжей Горе, но они не русские, а азиатские. В Китае и Монголии найдены совершенно аналогичные и при этом более древние образцы (Stein 1928: t. LXXI, Као IV. 01; Чжоу Вэй 1957).

Многолопастные стрелы свойственны предшествующим эпохам и для XIII в. архаичны. Судя по находкам, монголы в основном отказались от производства этих наконечников, очевидно по причине трудоемкости. Городищенские образцы лишний раз обнаруживают знакомство монголов с древними азиатскими формами стрел, использование которых, однако, все более сокращалось.

Типы XIII и XIV. Все наконечники втульчатые и снабжены пером ромбовидной (тип XIII) или удлиненно-треугольной формы (тип XIV). Размеры: общая длина 5,5-9,7 см, ширина лезвия 0,8-2,2 см, диаметр втулки около 1 см. Стрелы этих типов изредка попадаются в западнорусских городах: Новогрудке, Гродно, Минске и Плеснеске (Воронин 1954: рис. 22: 8; Кучера 1962: рис. 12: $8)^{41}$. Происхождение этих форм в широком смысле слова западное, основанное на старых местных традициях (Nadolski 1954: 64, t. XXX, 7-8).

Ниже следуют костяные наконечники стрел, служившие как охотничьим, так и боевым оружием. Использование кости для стрел было знакомо и русским, и их противникам монголо-татарам. Последнее подтверждает Фома Сплитский своим замечанием о том, что монгольские стрелы были из железа и кости (Фома Сплитский 1997: 114).

Городищенские костяные наконечники подразделяются на два типа (А и Б).

Тип А. Перо ланцетовидной формы, в сечении ромбовидное. Место крепления черешка стрелы к древку имеет шероховатую поверхность. Средний размер: длина 9.5 см, ширина пера 1.3 см, его толщина 0.6 см ($puc.\ 19:\ A;\ 20:\ 1-3$). Стрелы описанного типа обнаружены во Вщиже, Княжей Горе, Райках, Колодяжине, а также в Прикамье и нижневолжских и западносибирских кочевнических курганах XIII—XIV вв. (Спицын 1902: табл. XXVI, $11,\ 15;$ Кушева-Грозевская $1928:\ 27,\$ табл. $10;\$ Басандайка $1947:\$ табл. $10;\$ Вполне возможно, что монголы, не имевшие избытка железа, дополнительно прибегали и к подобного рода костяным наконечникам. Ланцетовидные костяные стрелы изготовлены очень профессионально, тщательно отшлифованы и стандартны. По затратам труда обходились они, очевидно, не дешевле, а скорее дороже железных наконечников. Версию о том, что костяные стрелы — это оружие только бедных, «которые не могли купить железных наконечников стрел ввиду их дороговизны» (Чеботаренко $1960:\ 149$), принять нельзя.

Тип Б. Костяные наконечники различных листовидных форм. Явно подражают железным изделиям и даже снабжены круглыми тонкими черешками. Размеры не унифицируются (рис. 19: 5; 20: 4–6). Нет противопоказаний для отнесения этих стрел к русскому охотничьему оружию. В отечественных раннесредневековых древностях наконечники такого рода известны (Воронин 1954: рис. 88: 15).

⁴¹ Стрелы из Новогрудка и Минска не опубликованы. А. Ф. Медведев приводит стрелу типа XIII из Новгорода, относящуюся к первой половине XIV в. (Медведев 1959: 161, рис. 13: 2).

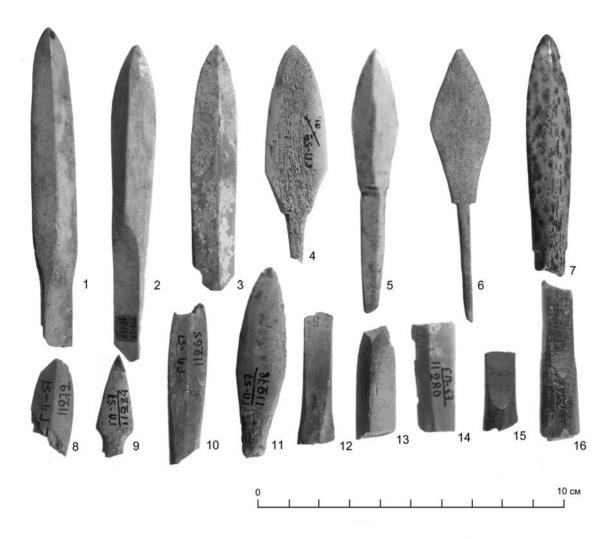

Рис. 20. Костяные наконечники стрел: 1–3 — тип A; 4–6 — тип Б; 7–16 — обломки наконечников

Какие общие заключения следуют из приведенной классификации наконечников стрел? Городищенские стрелы демонстрируют впечатляющее разнообразие форм и функций. В изготовлении стрел существовала развитая специализация. Лучники-воины и охотники одновременно имели в своих колчанах и использовали разнообразный набор стрел. Ряд форм типичен для XIII в. (типы IA, II, IIБ, VA, X, A, частично типы I, VI, IX). Признаком XIII в. является массовое применение бронебойных стрел, узколезвийных срезней, стрел-стамесок, наконечников ланцетовидной формы. К XIII в. относятся также большинство особых мелких конструктивных деталей и угловатость в очертании пера и плечиков. Одним словом, россыпь «изяславльских» стрел современна своей эпохе технических исканий и нововведений.

По своим этногеографическим признакам (табл. VIII) к специально монгольским и азиатским отнесены наконечники типов IA, II, IIБ, XII, возможно типа A и части типов I, IIA, III, IV, V, VI и VIII. Все перечисленные формы были либо в неизменном виде заимствованы в Азии (иногда и в Восточной Европе), либо в соответствии с боевыми задачами несколько переработаны (типы I, II, IV). Видоизменение выразилось в сужении и удлинении лезвия, в заострении пера и придании ему повышенной проникающей и режущей способности. Основой для такого видоизменения послужили в большинстве листовидные охотничьи стрелы, веками существовавшие у разных народов до начала монгольской агрессии.

Таблица VIII. Стрелы древнего «Изяславля». Географические и этнические признаки

Типы	Азиатско-монгольские стрелы	Русские и восточноевропейские стрелы		
I	Поперечное сечение лезвия квадратное	Поперечное сечение лезвия ромбовидное		
IA	Полностью монгольские			
ІБ		Полностью русские		
II Срезни узколезвийные	Полностью монгольские			
II Срезни широколезвийные		Евразийские, преимущественно азиатско-монгольские		
IIA		Евразийские, в том числе русско-монгольские		
ПР	Полностью монгольские			
III	Лезвие прямолинейное	Боковые стороны лезвия вогнуты		
IV с резко подчеркнутыми плечиками	Преимущественно азиатско-моногольские	Частично русские и восточноевропейские		
IV плавных очертаний		Русские — ?		
V	Монгольские	Русские		
VA		Русские — ?		
VБ		Русские		
VI	Лезвие имеет ромбическую прорезь	Преимущественно русские и восточноевропейские		
VII		Преимущественно русские и восточноевропейские		
VIII	Евразийские, в том числе русско-монгольские	Евразийские, в том числе русско-монгольские		
IX		Русские		
X		Западноевропейские и западнорусские		
XI		Русские		
XII	Монгольские			
XIII–XIV		Западнославянские и западноверопейские		
A	Монгольские — ?			
Б		Русские		

Мы не располагаем сейчас доказательствами того, что именно монголы во время европейских походов, в том числе и при штурме «Изяславля», явились изобретателями какого-либо наконечника принципиально новой формы. Однако они преобразовали боевую стрельбу из луков, сделали ее более массированной, целенаправленной и смертоносной.

Развитая специализация стрел, которая существовала на родине монгольского общества ⁴², получила в эпоху внешних походов исключительно военное развитие. Сопоставляя штурмовые наконечники из «Изяславля» и Княжей Горы, можно видеть, что совпадают не только их формы, но и их количественные пропорции. Около четверти всех «изяславльских» и княжегорских стрел составили бронебойные, другую четверть образовали узколезвийные срезни, далее в равных отношениях следуют ланцетовидные и стамесковидные наконечники и затем различные листовидные формы. Из этого можно заключить, что стрельба по крепостным стенам намеренно велась стрелами разного назначения, в особенности захватывавшими большую площадь поражения и предназначенными против людей, не защищенных доспехом, но скрытых заборолами. Монголо-татары, видимо, нацеливали свое оружие как против воинов, так и в основном против наиболее многочисленных и плохо защищенных ополченцев.

Большинство найденных наконечников составляют заведомо боевые (в «Изяславле» типы I–IV, X, X, A, всего не менее 775 экз.), они обладают большой поражающей и проникающей силой. Именно эти боевые типы стрел включают самые большие серии одинаковых форм. Речь идет о массовой продукции, судя по всему, изготовленной в непродолжительный отрезок времени профессиональными оружейниками. Общими признаками боевых стрел серийного производства являются: всегда ясно выраженный упор для черешка, значительная длина и вес (в среднем 12–16 г, иногда и больше), крупный черешок, усиленная наварка края лезвия, хорошо выраженная заточенность режущего края, наконец, отчетливо различимые на пере и шейке следы зажима в тисках. Монголы со свойственной им дисциплиной и методичностью наладили в больших масштабах «конвейерное» производство стрел, при штурме городов пользовались стандартным набором наконечников и, очевидно, определенным порядком их пускания.

К городищенским русским наконечникам относятся типы IБ, VI и VII и часть типов I, IIA, III, IV, V, VA, VБ, VIII, IX, XI и Б. Многие из этих стрел типичны для охоты (типы V–IX, XI и Б) и характеризуют занятия мирного земледельческого оседлого населения.

Следует отметить также чуждые монголо-татарам стрелы западнорусского и западноевропейского происхождения (типы X, XIII и XIV). Некоторые из этих европейских и русских стрел найдены в общей массе штурмовых и имеют деформации, полученные вследствие осадной стрельбы. Проходя по русской земле, монголо-татары, видимо, пользовались и захваченным оружием.

Итак, монгольские стрелы не были для защитников русской земли абсолютной технической новинкой. Победу принесли монголам не диковинные формы стрел, а прежде всего массовость и организованность их изготовления и применения. Городищенские находки бесспорно являются эталоном, с помощью которого и дальше будут изучать монгольские и русские стрелы.

Самострел

Среди массы городищенских стрел оказалось 17 самострельных болтов (рис. 21; табл. IX). К неприятельскому оружию их причислить нельзя. Монголы, по сообщению Плано Карпини, очень боялись баллист (Плано Карпини, Рубрук 1911: 40). Для всадников

⁴² «Сокровенное сказание» 1240 г. упоминает восемь специальных наименований стрел, соответствующих их разному назначению (Сокровенное сказание 1941: 90 и сл.; ср.: Плано Карпини, Рубрук 1911: 29).

самострелы, менее скорострельные и более громоздкие, чем луки, были неудобны⁴³. Арбалеты в первую очередь появились в странах, где были сильны тяжеловооруженные малоподвижные строи и отсутствовала легкая конница. За этим оружием стоит европейская рыцарская традиция. На Руси самострелы впервые упомянуты в 1159 г., а примерно сто лет спустя они начали регулярно использоваться при защите городов (Кирпичников 1958: 13, 20). В отличие от Центральной и Западной Европы в русских землях самострелы всегда уступали тактическое первенство луку и стрелам. Подтверждают это и скромные по своему количеству городищенские наконечники, которые для Южной Руси сегодня являются одними из древнейших и надежно датированных.

Таблица IX. Самострельные болты

Типы	I	II	III	Всего
Количество	11	5	1	17

Болты отличаются от стрел как формой, так и их массивностью. Если обычный вес городищенских наконечников стрел 12-15 г, то вес болтов 27-55 г. Многие первые европейские арбалетные наконечники имели квадратное в поперечном сечении перо бипирамидальной формы, черешок и иногда огранку нижней части лезвия. Именно таково большинство городищенских форм (тип I, 11 находок; размеры: общая длина 9,0-12,3 см, ширина лезвия 1,1-1,4 см, вес 17-55 г, чаще около 25 г; один наконечник имеет не черешок, а втулку).

Бипирамидальные болты XIII и XIV вв. найдены в Киеве, Княжей Горе, Гродно (Шендрик 1958: 170, табл. V, 21–22; Воронин 1954: рис. 88: 2, 4, 6), они часты на поселениях Латвии и Литвы, многократно осаждавшихся крестоносцами (Шноре 1961: 46, табл. X, 13, 14), много их в Польше и Чехии (Nadolski 1954: tabl. XXXII, 6; Cofta 1953: 44–45, tabl. VI, 2). Западное происхождение этих форм на Руси, по-видимому, неоспоримо.

Особую группу составили пять втульчатых пиковидных наконечника (тип II, общая длина 11,5-13,5 см, ширина лезвия 0,9-1,5 см, сечение пера квадратное, диаметр втулки 1,3-1,4 см, вес $27-40\,\mathrm{r}$). Наконечники этой формы отличались повышенной бронебойностью, они появились в XIII в., на Руси и на Западе очень редки (London Museum 1954: 68-69, fig. 8)⁴⁴.

Один из найденных втульчатых болтов имеет обтекаемо-ромбовидное перо, в поперечном сечении также ромбовидное (тип III). Его размеры: длина 9,3 см, ширина лезвия 2,2 см, диаметр втулки 1,3 см, вес 70 г. Эта форма появилась после 1100 г. и полное развитие получила в XIV столетии (Nadolski 1954: 65, tabl. XXXII, 4; Hejna 1962: 462, obr. 4: 9–13; Sarnowska 1956: tabl. XLIII, 11, 16, 17; Бобчева 1958: 53, обр. 17: 1–3). Болты этого типа сохранятся вплоть до XVI в. и при этом вытеснят другие конструкции. Немногочисленные древнерусские аналогии из Львова и Гродно указывают на западные пути проникновения наконечников этого типа на Русь (Уваров 1910: 22 и сл., табл. XX, № 45; Воронин 1954: рис. 88: 7–8).

Витязь, погибший в районе воротной башни, стрелял из арбалета. О присутствии этого оружия свидетельствует поясной железный крюк для натяжения тетивы (длина 26 см, ширина 6.5 см, вес около 200 г, расстояние между зацепами около 3.5 см (рис. 21, справа; 22).

⁴³ Хороший арбалетчик стрелял в 3–5 раз медленнее лучника. Первые, очень редкие упоминания арбалета у монголов пехотинцев относятся к последней четверти XIII в. (Книга Марко Поло 1956: 102).

⁴⁴ Наконечник происходит из замка 1241–1263 гг.

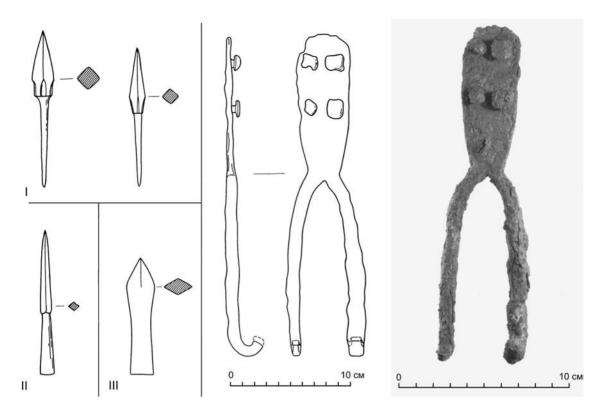

Рис. 21. Типология наконечников арбалетных болтов и арбалетный крюк **Рис. 22.** Арбалетный крюк. Железо

Один конец крюка крепился к поясу, другой, раздвоенный на зацепы, скользил вдоль цевья. Стрелок, упершись ногой в стремя на конце ложа и поддев крюком тетиву, подтягивал ее и зацеплял за спусковой орех⁴⁵. В европейских, в том числе русских раннесредневековых древностях «изяславльский натяжной крюк» уникален. Механическое натяжение арбалета начало применяться не позднее начала XIII в. (Blair 1962: 36). Старейшие натяжные крюки пока найдены в шведском замке Аренас, разрушенном вскоре после 1305 г. (Alm 1947: 248).

Все известные мне изображения европейских арбалетных крюков (все с одним зацепом) дошли до нас в миниатюрах XIV в. (Willemin, Pottier 1839: pl. 140; Schneider, Heid 1946: taf. 11, a; Gaier-Lhoest 1962: 85). В свете этих сопоставлений «изяславльский» поясной крюк, во-первых, является технической новинкой примерно первой половины XIII в. и, во-вторых, древнейшим дошедшим до нас натяжным устройством европейского средневековья. Общеевропейское значение этой находки не подлежит сомнению.

Кольчуги и шлемы

Оборонительное вооружение представлено десятью обрывками и одной целой кольчугой (во фрагментах), двумя шлемами и маской-наличником, тоже во фрагментах⁴⁶.

 $^{^{45}}$ Viollet-le-Duc 1875: рис. 1 на с. 23; ср. рис. 2 на с. 25. Рисунки являются свободной авторской трактовкой изображений XIII—XIV вв., оригиналы не приводятся.

 $^{^{46}}$ Оборонительное вооружение «Изяславля» вошло в 3-й выпуск Свода древнерусского оружия: Кирпичников 1971. — *Прим. К. Михайлова*.

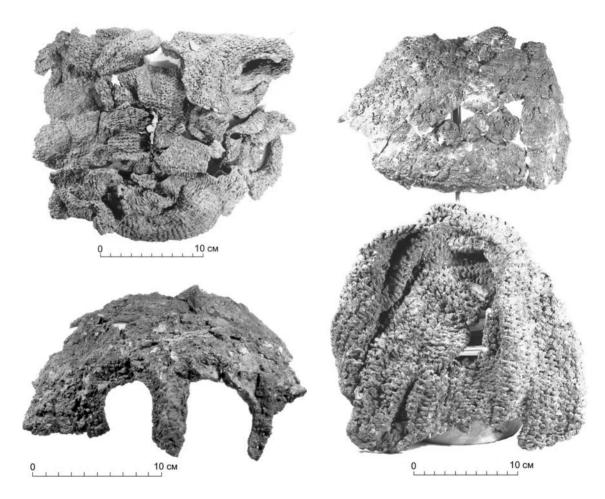

Рис. 23 (сверху слева). Кольчуга с крестом-энколпионом внутри. Железо **Рис. 24** (справа). Шлем с бармицей. Железо **Рис. 25** (внизу слева). Боевая полумаска с клювовидным наносником. Железо

Целая кольчуга (вес вместе с бармицей $21\,\mathrm{kr}$, эта цифра преувеличена, так как доспех ныне представляет собой окаменевшие и спекшиеся в пламени фрагменты кольчуги вместе с приставшей землей, костями и проч.) (рис. 23) и шлем (вес $1\,\mathrm{kr}$ $300\,\mathrm{r}$) принадлежали воину, погибшему в районе ворот (рис. 23-25)⁴⁷. Покрой перегоревшей в огне кольчуги понять не удалось. Видно, что она сплетена из плоских колец диаметром $1,5-1,6\,\mathrm{cm}$, шириной $0,34-0,40\,\mathrm{cm}$ и толщиной $0,8\,\mathrm{cm}$. На территории городища найдены еще $95\,\mathrm{подобных}$ колец, включая $5\,\mathrm{обрывков}$. На внешней поверхности колец иногда оттиснуты две радиальные бороздки — следы штампа. Помимо «Изяславля» плоские кольчужные кольца обнаружены в Лыкове у г. Юрьева-Польского (Гордеев 1954: рис. 9) и на Княжей Горе. По нашим наблюдениям, они были новинкой, появившейся около $1200\,\mathrm{r}$. Достоинство плетения из плоских расплющенных колец состояло в том, что они, по сравнению с обычными кругло-проволочными кольцами, в полтора-два раза расширяли сплошное железное поле доспеха, почти не увеличивая его вес. Кольчуги из плоских колец, появившиеся незадолго до монгольского нашествия, перейдут в позднее средневековье под названием байдана.

 $^{^{47}}$ K комплексу «витязя» относятся: обломки железного шлема с кольчужной бармицей, обломки железной полумаски и кольчуга с крестом-энколпионом внутри. — Прим. К. Михайлова.

Для кольчуг X–XIII вв. были типичны не плоские, а круглые проволочные кольца, наполовину склепанные, наполовину сваренные. Таких колец диаметром 1,1-1,3 см и толщиной 0,01-0,02 см в «Изяславле» оказалось около 60, включая пять обрывков. Им, кроме того, сопутствовали шесть более мелких колец диаметром 0,7-0,8 см, при толщине 0,01 см. Если первые, более крупные, были основой плетения, то вторые, более мелкие, шли на подол, бармицу, оторочку воротника и рукавов.

Что касается шлемов, то один из них (от витязя) сохранился плохо и сильно деформирован. Снаружи этот образец сплошь плакирован позолоченным серебром и снабжен полумаской и клювовидным наносником (рис. 24–25). По своему типу шлем принадлежит к куполовидным боевым наголовьям, изобретенным и существовавшим на Руси в последнее столетие перед монгольским нашествием (Кирпичников 1958а: рис. 8: 3–5).

Рассматриваемые боевые наголовья полностью скрывали голову воина и для своего времени являлись своеобразным русским эквивалентом рыцарского горшковидного шлема. Второй шлем (еще не реставрирован) имеет куполовидную форму, окологлазные и наносные пластины (в обломках, система прикрепления неясна) и, вероятнее всего, относился к тому же типу, что и первый.

Интереснейшей находкой является пришлемный железный наличник (высота $11 \, \mathrm{см}$, ширина $15 \, \mathrm{см}$, края обломаны) (рис. $26)^{48}$. Эта маска, с портретной реалистичностью передающая черты человеческого лица, служила художественно оформленным забралом шлема. Помимо защитных свойств данная принадлежность доспеха, возможно, наделялась свойствами апотропея и в бою выделяла командира и устрашала неприятеля. Сделана личина как боевая достаточно прочно и закономерно могла родиться в эпоху, когда оружейники искали полной защиты головы.

Очертания губ, носа и глаз, окологлазные валики, подчеркнутость ноздрей, восемь носовых отверстий для дыхания — все это роднит нашу маску с такими же двумя образцами первой половины XIII в., происходящими из черноклобуцких курганов Киевского Поросья (Там же: рис. 7: 1–3). Подобные личины приписывали кочевникам. Однако однотипные маски за пределами Среднего Приднепровья найдены в Херсонесе (Пятышева 1964: табл. 1)⁴⁹ и в 1958 г. в «Изяславле». Зона распространения антропоморфных боевых масок все больше раздвигается. У русских, кочевников, в том числе монголов, существовали свои формы прикрытия лица (полумаски, носовые стрелки), поэтому вышеназванные изделия по происхождению не связываются ни с Русью, ни с ее соседями и врагами. Изготовлялись ли эти личины в причерноморских или восточносредиземноморских городах, ответят будущие исследования.

Итак, подбор городищенского защитного вооружения свидетельствует о существовании состоятельных тяжеловооруженных воинов, снаряжавшихся в специфических условиях русской и восточноевропейской военной практики XIII в. все более закрыто и надежно.

⁴⁸ На фотографии из архива ИИМК РАН и на рисунке из личного архива А. Н. Кирпичникова антропоморфная боевая маска зафиксирована после первой реставрации 1960-х гт. В настоящее время внешний облик маски, находящейся в экспозиции Государственного Эрмитажа, заметно отличается от первоначального, вероятно, вследствие повторной реставрации. — *Прим. К. Михайлова*.

⁴⁹ Не проверив фактов, Н. В. Пятышева безосновательно отнесла «изяславльскую» маску к позднеантичному времени (Пятышева 1964: 24). С основными взглядами Н. В. Пятышевой относительно пришлемных масок раннего средневековья я не согласен (Кирпичников, Черненко 1966: 214–217).

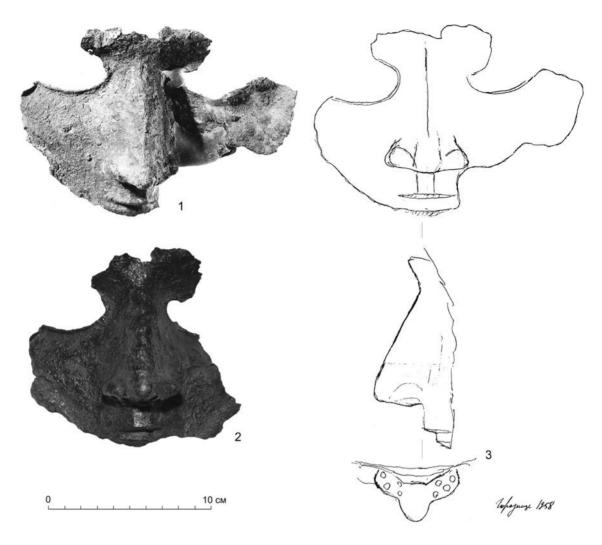

Рис. 26. Антропоморфная боевая маска: 1 — фото: НА ИИМК РАН, Φ О, I 54213; 2 — фото К. А. Михайлова (современное состояние); 3 — рисунок из архива А. Н. Кирпичникова

Удила и подковы

Об «изяславльской» конной дружине свидетельствуют как отдельные виды оружия, так и все, связанное со снаряжением боевого коня. В ряду таких изделий удила, подковы, скребницы, пряжки от подпружных ремней, которые универсально использовались и в мирном, и в военном быту. Специально эти вещи лучше рассмотреть в другом месте, здесь же ограничимся краткими замечаниями об удилах и подковах. Всего было найдено 193 однотипных целых $(15 \, \text{экз.})$ и ломаных удил, обычных для всего раннего средневековья 50 , с двумя составными звеньями и двумя кольцами, чаще всего расположенными симметрично 51 . Выделяются два экземпляра с одним слегка изогнутым звеном. Удилами без перегиба

 $[\]overline{\ \ \ \ \ }^{50}$ У городищенских находок преобладают звенья, квадратные в поперечном сечении. Возможно, это датирующий признак.

 $^{^{51}}$ Встретились следующие исключения: одно удило неравноплечное, одно — с кольцами разной величины. Упомянем также два характерных для XIII в. прямых стержневидных псалия (ср.: London Museum 1954: 80, fig. 19a).

русские пользовались лишь изредка, более свойственны они кочевникам (типичные комплексы X–XI вв.) (Плетнева 1958: 156).

На «изяславльском» городище открыто 32 подковы (лишь одна целая) и много подковных гвоздей. Подковы несколько различны по размеру, но сходны по типу. Пластинчатое полукружие оканчивается шипами, имеет волнистый наружный край и пробито шестью, реже восемью отверстиями для пропуска гвоздей (puc. 27: 1–7). Еще недавно русские раннесредневековые подковы рассматривались как диковинка и анекдотически приписывались рогатому скоту (Гончаров 1950: 89).

Благодаря новгородским раскопкам выяснилось, что на Руси коней стали подковывать не позже XI в. (Медведев 1959: 190, рис. 22: 8). Состояние этого дела у нас не так уж отличалось от общеевропейского. В Западной и Южной Европе подковы появились после долгого перерыва в VIII–X вв. и столетием позже стали регулярно использоваться в ряде мест (Vikić, Walter 1955: 23)⁵². Эта конская принадлежность характерна для земель с торговыми городами, твердо накатанными дорогами и тяжелогружеными купеческими караванами. Для дорожных коней, идущих с поклажей, подковы были необходимы. Военное назначение раннесредневековых подков дискуссионно. Высказано мнение, что дружинники, а также смерды своих лошадей не подковывали (Musianowicz 1959: 259–264). Исключение могли составлять кони, предназначенные для тяжеловооруженных всадников. Легендарный конь князя Олега на миниатюре Радзивилловской летописи изображен подкованным. Характерно, однако, что ни в погребениях раннекиевских дружинников, ни в сельских поселениях подковы не обнаружены. Степняки, в том числе монголы, не употребляли подков вплоть до XIV в. (Strakosch-Grassman 1893: 28; Сборник материалов 1941: 102). Переходим теперь к всадническому снаряжению боевого класса.

Шпоры

Ни в одном средневековом европейском пункте, насколько мне известно, не найдено столько более или менее одновременных шпор, как в «Изяславле». Признаться, было неожиданным найти 270 шпор в городке, расположенном не в рыцарской Европе, а не так далеко от края восточной степи. Совокупность этих городищенских находок может конкурировать с коллекциями национального масштаба. К примеру, во всей Польше, по недавним данным, было изыскано 218 шпор X–XIII вв. (Hilczerówna 1956). «Изяславльский рекорд», разумеется, не принижает способности других народов к верховой езде, он лишь иллюстрирует небывалую полноту материала и богатые исследовательские возможности.

Средневековые шпоры — признак феодально-организованных конных воинов, знак рыцарского ранга и достоинства. В Западной Европе эта всадническая принадлежность по своему символическому и общественному значению конкурировала с мечом. Шпоры (вместе с мечом) надевались при посвящении в рыцари, жаловались вассалам и преподносились в знак особого расположения. Наоборот, разжалование рыцаря сопровождалось сниманием шпор. По наименованию шпор назывались рыцарские ордена и битвы (например «дни шпор» под Куртрэ в 1302 г.) (Ibid.: 128–131).

 $^{^{52}}$ Авторы указывают, что подковы с волнообразным краем, подобные городищенским, доживают до XIV в.

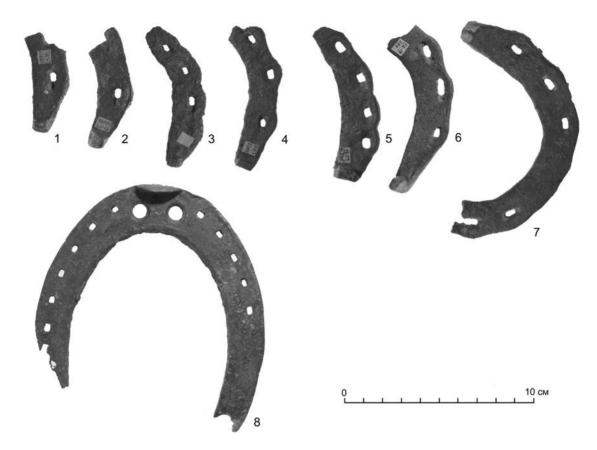

Рис. 27. Разновидности подков: 1-7 — подковы с волнистым краем; 8 — подкова с гладким краем. Железо

Культ шпор в древнерусском воинском быту проявлялся, по-видимому, не так сильно, как на Западе. Однако как в рыцарских замках, так и в русских городах, в том числе и «Изяславле», по находкам шпор можно подсчитать количество находившихся там привилегированных конных воинов. Итак, шпора была непременным атрибутом профессионального кавалериста, но нельзя ли пойти дальше и определить по этой принадлежности войсковую и тактическую спецификацию последнего? «Изяславльские» материалы впервые позволяют предпринять попытку такого рода.

В Европе шпора как средство понуждения и наказания коня особенно распространилась в эпоху выделения конницы в качестве главного рода войск. Следует отметить, что для боевого коня XII–XIII вв., часто закрытого защитными приспособлениями, ни шенкель⁵³, ни уклоны корпуса, ни поводья не были таким сильно и точно действующим сигналом, как шпоры.

Эволюция шпор связана с вооружением всадника, его посадкой, седловкой, способами борьбы. Каролингские шпоры имели дугу и шип, расположенные в горизонтальной плоскости. Нога кавалериста с таким приспособлением в несколько согнутом виде была свободно опущена вниз и касалась бока лошади по линии седла (Müller-Hickler 1923: 6–13). Со второй половины XI, особенно в XII в. в связи с появлением копейного тарана, сплошь бронированных целей и усилением устойчивости в седле при сшибках, одетая в стремя

 $^{^{53}}$ Шенкелем называется внутренняя, обращенная к лошади, сторона ноги всадника от колена до щиколотки.

прямо нога бойца выносится вперед для упора и вместе с тем изгибается сначала шип, затем дуга, причем шип получает заостренно-пирамидальную форму (Zschille, Forrer 1891: 11–12; Hilczerówna 1956: 125–126). Отныне шпора своей закругленной частью надевается несколько выше уровня пяточного выступа, а ее прилегающая к ноге часть (если смотреть сверху) становится похожей не на букву U, как прежде, а на букву V. При ношении такой шпоры шип направлен вниз, а дуги (если смотреть сбоку) изогнуты по направлению от щиколотки к подошве. Чем дальше вперед выставлялись ноги, упирающиеся в стремена (носки достигали линии передних ног лошади), тем более ограничивалась свобода движения шпор, тем круче (в XII в. еще волнообразно) изгибались их дуги и шип. В XIII в. этот процесс породил целый ряд сложно и круто изогнутых форм с сильным уклоном шипа, что в конечном итоге явилось следствием прогрессирующей мощи ударного напора пиконосной конницы в бою. С удлинением и заострением шипа появилась опасность травм коня при пришпоривании. Оружейники борются с этим сначала при помощи шарообразных утолщений шипов, манжетов-ограничителей и, наконец, предлагают великое, простое, для коня действенное и в то же время гуманное изобретение — шпору с колесиком. Описанное выше развитие раннефеодальных шпор до сих пор считалось действительным для Центральной и Западной Европы. И вот оказывается, что городищенские находки представляют это же развитие и притом значительно детальнее.

При классификации наших шпор учитывалось не только устройство их рабочей части — шипа, но и форма петель, отделка, вес, сечение и изгиб дуг. Детали разных типов шпор оказались взаимопереходящими, среди них по возможности отыскивались характерные и преобладающие. Излюбленным украшением городищенских шпор была серебряная, медная, реже золотая инкрустация в виде рядов небольших точечных выпуклостей. Эта декорация, по-видимому, специфически русского происхождения и указывает на местный характер изделий. Западный по возникновению способ, заключающийся в равномерном распределении полос цветного металла (особенно меди), на городищенских изделиях редок. По-видимому, довольно часто употреблялось полное серебрение наружной поверхности шпор. Покрытие, выполненное часто в технике амальгамирования, а не в технике насечки, было недолговечным и быстро разрушалось в неблагоприятных условиях. Вот почему вместо сверкающих золотом и серебром изделий в раскопках нам достались часто прозаические, неприкрыто железные вещи.

Только четыре городищенские шпоры были найдены попарно. Не исключено, что среди одиночек, оказавшихся в разбросе, существовали комплектные экземпляры. Утверждать, что древнерусские всадники пользовались одной шпорой, вряд ли верно. Каковы же типы городищенских шпор (puc. 28; 29, табл. X)?

Таблица Х. Шпоры

Типы	Архаические (III в. н. э.)	I	II	III	IV	IVA	V	Тип неопределим	Bcero
Количество	2	2	50	103	61	35	2	15	270

Наиболее древними и архаическими кажутся: одна горизонтальная посеребренная шпора с притупленным шипом и другая такого же вида, только несколько изогнутая посередине длины (тип I, длина 14,1-16,1 см, ширина 7,3-7,8 см, длина шипа 2,5-5,0 см, его ширина 0,5-1,0 см) (рис. 28). Первая форма называется викингской, а точнее каролингской, и в Средней

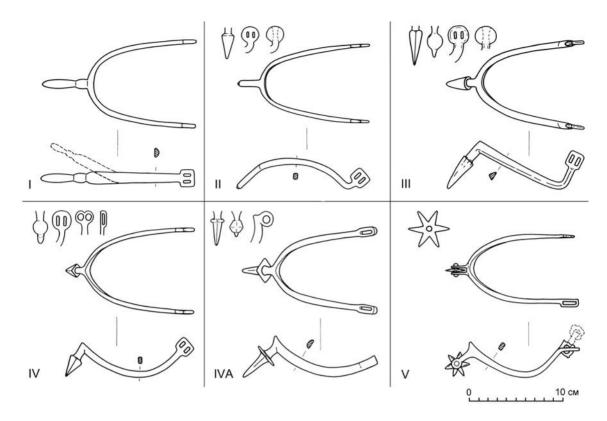

Рис. 28. Типология шпор

и Северной Европе датируется X — спорадически первой половиной XI в., вторая, для тех же земель, относится преимущественно ко второй половине XI в. (Hilczerówna 1956: 30–32, tabl. 1,2). Примеры из Латвии (Шноре 1962: 581), Новгорода (Арциховский 1958: 229, рис. 1: 6), Минска, Новогрудка и «Изяславля» показывают, что восточноевропейские образцы типа I на полтора-два столетия пережили западные. Городищенские находки в этом ряду одни из самых поздних.

При этом речь идет не о длительном сохранении вещей X в., а об их поздних рецидивах (на это указывает свойственная XII–XIII вв. отделка предметов). Длительное существование в Восточной Европе шпор каролингского типа (в общем исчезнувших на Западе в начале XII в.) объясняется не военной отсталостью, а особыми тактическими условиями, при которых приемы легковооруженной борьбы не требовали обновления традиционных средств управления конем.

Горизонтальные шпоры каролингского типа в богатой техническими новшествами русской действительности XII–XIII вв. были лишь эпизодом. Главенствующее положение прочно заняли шиповые шпоры с изогнутыми дугами. Первыми в этом ряду мы поставили образцы с плавными изгибами дуги, шипом, находящимся в плоскости этого изгиба, и коленчато поставленными петлями (тип II, 50 экземпляров, длина 12,0-14,1 см, ширина 7,4-9,0 см, длина шипа 2,5-4,9 см, чаще 2,5-2,9 см, его ширина 0,7-1,2 см, средний вес около 50 г). Шип чаще всего имеет форму цилиндра с небольшим выступом на торце (пирамидальный еще редок). Круглые петли дуг редки, преобладают прямоугольные. Некоторые шпоры отделаны серебряными и медными выпуклостями и фигурной насечкой по железу (рис. 29: 9-10). Один экземпляр инкрустирован медными полосками. Три шпоры типа II,

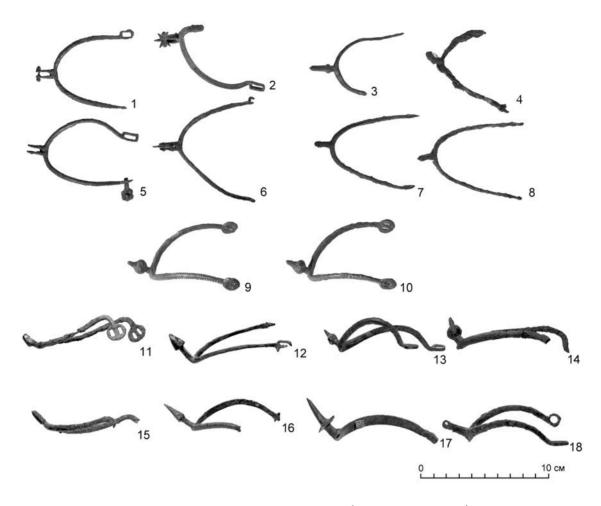

Рис. 29. Образцы шпор: 1-2, 5-6 — тип V (шпоры с колесиком); 3-4, 7-8 — тип II; 9-10 — тип IV (инкрустированные шпоры); 11-18 — типы III–IV. Железо

по-видимому детские, отличаются малыми размерами (длина 10–11 см, ширина 4,7–5,0 см, длина шипа 2,0–2,3 см, его ширина 0,5–0,6 см). Среди всей массы шпор образцы типа II самые легкие, они имеют тонкую проволочную, можно сказать, ажурную конструкцию и мягкие плавные очертания в боковом и верхнем видении. Подобные формы обнаружены также в Колодяжине (Юра 1962: рис. 36: 5). На Западе, за исключением Венгрии (Géza 1898: 60–64, t. III, 19), они не встречаются. Можно предположить, что перед нами шпоры лучников-стрельцов — самой подвижной и маневренной части русского и венгерского войска.

В нижеследующей группе также попадаются довольно легкие шпоры, но явно преобладают массивные угловатые экземпляры, в профиле напоминающие букву Z (тип III, 103 экземпляра, размеры: длина 11,2-15,0 см, чаще 12,5-14,0 см, ширина 6-9 см, чаще 7,4-9,0 см, длина шипа 2,2-4,5 см, чаще 3,0-3,5 см, его ширина 0,9-1,7 см, средний вес 70-80 г). Прямоугольные или круглые петли коленчато изогнуты (как у типа II), четырехгранный пирамидальный шип (иногда шарообразный в основании или граненый) наклонен к плоскости дуг на $90-130^\circ$, чаще 110° . Поперечное сечение дуги обычно треугольное (рис. 29:11,13). В группе оказались две парные шпоры, пять детских (размеры: длина 8,7-10,5 см, ширина около 5 см, длина шипа 1,6-2,9 см, его ширина 1,0-1,5 см), две шпоры с расширением

в средней боковой части скоб, наконец, несколько экземпляров, украшенных точечной серебряной инкрустацией.

Из всех древнерусских шпор описанные — самые тяжелые, прочные и крупные, они предназначались, в отличие от форм предшествующего типа, не иначе как тяжеловооруженным всадникам. Шпоры типа III найдены помимо «Изяславля» в Новогрудке, Браславе (Алексеев 1960: рис. 46: 26), Новгороде (Медведев 1959: рис. 21: 7), Ковшарово (Лявданский 1926: табл. IV, 17), Воищине (Седов 1960: рис. 37: 8), Минске⁵⁴, Плеснеске (Кучера 1962: рис. 13: 1 и 8), Райках, Колодяжине (Юра 1962: рис. 36: 6), и всюду, где материал надежно датирован, они относятся к первой половине XIII в. В Швеции, Эстонии и Польше подобные изделия охватывают время примерно от середины XIII в. до начала XIV в. (Hilczerówna 1956: 57–58, tabl. VII). Следовательно, русские и не в последнюю очередь «изяславльские» находки пока являются древнейшими из ныне известных. Если образцы типа III связывать с тяжеловооруженными кавалеристами первой половины XIII в., то не значит ли это, что по развитию тяжеловооруженного рыцарства древнерусские города не только не отставали от западных, но и были в этом отношении одними из передовых? Ответственность и некоторая неожиданность этого вывода требует дальнейших розысков и подтверждений.

Если на примере шпор типа II и III улавливаются отличия в снаряжении различных прослоек войска, то последующие формы не столь отчетливо разграничиваются в тактико-войсковом отношении. Таковы образцы с полукруглым в профиле изгибом дуг (как у типа II) и шипом, лежащим не в плоскости этого изгиба, а наклоненным (как у типа III) под прямым или тупым углом (тип IV, 61 экземпляр, размеры: длина 11,8-14,7 см, чаще 12,7-13,7 см, ширина 7-9 см, длина шипа 2,3-4,5 см, чаще около 3,5 см, ширина 1,2-1,7 см, вес 50-60 г). В группе различаются 33 экземпляра с граненым пирамидальным шипом и прямоугольными в сечении дугами и 14 экземпляров с шарообразным в основании шипом и уплощенными в разрезе скобами. Петли у всех без коленчатого перегиба, прямоугольные, но встречены и круглые, а также с одной прямоугольной и двумя круглыми прорезями (до сих пор рассматривались петли с двумя стандартными продолговатыми прорезями, через которые продевался ремешок). Среди шпор с шарообразным шипом встречены две парные шпоры с золотой точечной инкрустацией, один обломок с такими же золотыми украшениями, одна детская шпора (длина 9,2 см, ширина 4,5 см, длина шипа 3 см, его ширина 1,3 см) и образцы с несимметричными по устройству петлями и округло пластинчатыми в разрезе дугами (puc. 29: 9-10, 17-18). Шарообразное расширение шипа служило своеобразным ограничителем, мешающим проникновению острия в бок коня.

Шпоры с полуциркульными дугами типа IV кроме «Изяславля» найдены в Новогрудке, Новгороде и Воищине и всюду датируются первой половиной XIII в. (Медведев 1959: рис. 21: 6; Седов 1960: 83). Время бытования этих форм, включая разновидности, однако, более широкое. Судя по латвийским, польским, венгерским и немецким аналогиям, шпоры типа IV появились во второй половине XII в. и удерживались до начала XIV в. (Шноре 1962: 583, рис. 5:1-2, 4; Hilczerówna 1956: 53-57, tabl. VI; Zschille, Forrer 1891: Taf. V, 7-9, VI, 3, 5-6, 9, VII, 5).

Пример шпор типа IV с шарообразными в основании шипами показывает, что попытки ограничить травмирующее действие острия были предприняты уже во второй половине XII в. По-видимому, в это же время появляются шипы с манжетами, сначала небольшими,

 $^{^{54}}$ Сведения из личного архива А. Н. Кирпичникова.

а затем все более широкими. Шпоры с манжетами на шипах при сохранении полуциркульного изгиба дуг имеют ряд особенностей и широко представлены в «Изяславле» (тип IVA, 35 экз., размеры тождественны типу IV, средний вес 60-65 г).

Поперечное сечение дуг не прямоугольное, а уплощенно пластинчатое. Зацепы петель становятся однопрорезными, круглыми с одной стороны и прямоугольными с другой. Появляется металлическая пряжка для стягивания ремешка, продетая в одну из боковых петель. Шпоры с манжетами на шипах, предназначенные для сильного давления на бок лошади, в русских, прибалтийских и западноевропейских городах относятся ко второй половине XII — второй половине XIII в. (Шноре 1961: рис. 44, верхнее правое изображение; Военеіт 1890: Abb. 146) 55. Что касается обычного у городищенских изделий широкого пластинчатого манжета, то он на Западе еще после 1250 г. являлся новинкой, далеко не общепризнанной (Herrnbrodt 1958: 115, Abb. 58).

Шпоры с манжетами показывают, что удлинение и заострение шипа не могло продолжаться беспредельно и, наконец, вызвало предохранительное противодействие. Если приспособление дуг к форме ноги достигло необходимого совершенства, то трансформация шипа оказалась в плену между крайностями наказания коня и его защиты. Устройством, которое разрешило эту проблему, была шпора с подвижным зубчатым колесиком, точнее сказать, звездочкой. Звездочка повысила эффект и чуткость управления и при умелом использовании не причиняла ранений коню. Колесная шпора дожила почти до наших дней и для своего времени явилась открытием, «делающим эпоху». Начальная история этого западного изобретения до сих пор не ясна и загадочна. Как писал Р. Форрер, между шиповыми и колесными шпорами нет переходных форм, «которые бы восполнили пробел между вращающимся колесиком и шипом и объяснили бы появление звездочки» (Zschille, Forrer 1891: 12). Городищенские находки показывают в новом свете международную загадку появления колесных шпор.

В «Изяславле» найдено 12 колесных шпор и их частей, а именно: пять экземпляров (из них лишь 2 целых) со звездочкой 56 , четыре экземпляра с утраченной звездочкой (о ней свидетельствует прорезь и ось вращения), наконец три шестилучевых звездочки отдельно (тип V, длина без звездочки 12,0-14,2 см, ширина 7,4-9,5 см, длина держателя звездочки 2,3-3,0 см, диаметр последней 2,5-4,2 см, вес около 60 г) (рис. 29: 1-4). Возможно, что к описанным шпорам относятся две металлические пряжки для затягивания подошвенного ремешка. Шпоры с колесиками обнаружены в разных точках городища, в том числе и в завале сгоревших клетей, следовательно, их принадлежность к более позднему времени исключается. Описанных шпор найдено меньше, чем каких-либо других, видимо, они появились незадолго до гибели города и не успели снискать широкой популярности. Об этом же свидетельствуют и особенности самой конструкции. По сравнению с образцами XIV-XV вв., найденные на городище шпоры принадлежат к древнейшему виду; среди них отсутствуют звездочки, имеющие свыше шести лучей (в 20-х гг. XIV в. количество лучей дошло до 24), нет расширения-козырька в месте прикрепления шипа (в XIV в. он обычен), нет длинного и изогнутого держателя колесика (развивается с XIV в.), нет симметричных по устройству двойных круглых петель (черта XIII–XIV вв.). С другой стороны, городищенским находкам присущи такие признаки шпор типов IV и IVA, как полуциркульные или криволинейные

 $^{^{55}}$ Шпоры с манжетами на шипах найдены в Райках и Владимире-Волынском (Rauhut 1960: 255, tab. XXIV, 10–11).

⁵⁶ Одна шпора снабжена бронзовой звездочкой.

в профиле дуги, заканчивающиеся одной прямоугольной, другой круглой петлями. Таким образом, если судить по устройству дуг и петель, то можно сказать, что появление колесных шпор в «Изяславле» было подготовлено развитием шиповых⁵⁷. Учитывая новизну и относительную немногочисленность городищенских колесных шпор, их можно датировать 1230 г. и по конструкции их дуг связывать с шиповыми. Если предложенная дата верна, то «изяславльские» звездчатые шпоры выдвигаются в качестве древнейших, известных до сих пор в Европе. Господство колесных шпор наступает со второй четверти XIV в. В связи с этим исследователи полагали, что они появились в Европе около 1300 г. (Boeheim 1890: 224, ср.: 227; Zschille, Forrer 1891: 12–13; Oakeshott 1960: 227, fig. 136). В результате настойчивых поисков дата распространения этого изобретения несколько удревнилась. Достоверные данные о появлении шпоры с колесиком следующие: в Англии — 1285 г. (London Museum 1954: 103-105), во Франции — середина XIII в. и около 1280 г. (Willemin, Pottier 1839: pl. 128; Hilczerówna 1956: 65)⁵⁸, в Германии — 1265 и 1291 гг., в Швеции где-то между 1257–1311 гг. (Hilczerówna 1956: 64–65), в Швейцарии и Польше — последняя четверть XIII в. (Schneider 1946: 36; Hilczerówna 1956: 64, 66), в Чехии — конец XIII в. (Hejna 1962: 460, obr. 1: 7; Polla 1962: 132, obr. 103). Приведенная хронологическая анкета основана на вещественных и изобразительных материалах и фиксирует появление колесной шпоры во второй половине XIII в. как вполне сложившейся. Следовательно, само событие можно отодвинуть к несколько более ранней поре. В этой связи и заявление Г. Шнейдера о том, что колесная шпора фактически находилась в употреблении в середине XIII в. (Schneider 1946: 36), уже не покажется чересчур смелым. «Изяславльские» находки устанавливают появление колесной шпоры еще десятилетием ниже, то есть до 1241 г. Достигнута ли здесь нижняя ступенька хронологической лестницы замечательного открытия, сегодня еще неизвестно, во всяком случае, налицо пока самая древняя дата появления колесной конструкции шпор на европейском континенте. Если к этому добавить, что колесные шпоры, приблизительно одновременные городищенским, найдены также в Киеве, Райках, Княжей Горе, Новогрудке, Ковшарове и Бородине (Хойновский 1896: 174; Лявданский 1926: табл. IV, 16; Седов 1960: 122, рис. 57: 9)⁵⁹, то «изяславльский» прецедент будет не так уже одинок, и сомнения в появлении новой формы шпоры в 1230-1240-е гг. теряют силу. В археологической литературе датировка колесных шпор 1300 г. стала традицией, которую ныне следует пересмотреть, и трудно предусмотреть все последствия, к которым приведет передвижка дат. Теперь многое будет зависеть от того, что смогут ответить «изяславльскому вызову» западные оружиеведы. Вопрос о том, откуда так рано появилась на Руси колесная конструкция и как она распространялась, — дело будущего исследования.

Мы не беремся сейчас подробно судить о том, что конструктивно внесли русские и в том числе «изяславльские» мастера в развитие европейских шпор. Поскольку последние в массовом количестве изготовлялись и украшались на месте, этот вклад может оказаться немалым. На первом этапе исследования шпор важно дать общую оценку самому явлению.

 $^{^{57}}$ Что касается самого шипа, то обогащение его вращающимся элементом действительно кажется довольно внезапным актом. Подготовительных стадий в местном материале нет.

 $^{^{58}}$ Шпора с колесиком изображена на печати Жана де Бури (1211 г.) (Demay 1875: fig. 78). Проверить этот факт мне не удалось.

⁵⁹ Находки из Киева, Райков, Княжей Горы и Новогрудка не опубликованы.

Городищенские шпоры свидетельствуют о том, что их владельцы были знакомы с самыми современными европейскими техническими новинками. Более того, ряд форм шпор фиксируется в «Изяславле» даже раньше, чем в западноевропейских замках (типы III, V, отчасти IVA). Разнообразие шпор свидетельствует об их развитой специализации и приспособлении для мягкого и сильного нажима, для легко- и тяжеловооруженного всадника (типы II и III). Ни в искусстве управления конем, ни в оснащении его предохранительным вооружением (о преодолении последнего свидетельствуют длинные шипы типов шпор III, IVA, отчасти V), ни в напоре при копейных сшибках (о выдвинутых вперед ногах, упертых в стремена, свидетельствует наклон шипа шпор типов III–V) «изяславльские» всадники не только не отставали от своих западных современников, но и по степени восприимчивости и разнообразию использованных конструкций были одними из передовых. Коллекция «изяславльских» шпор предстает как показатель высокой дружинной военной культуры и надолго останется эталоном для датировки русских и зарубежных археологических комплексов. В этом непреходящее общеевропейское значение «изяславльских» находок.

Плети

В «Изяславле» найдены одно бронзовое и два костяных навершия плети (рис. 30). Подобные вещи изредка попадаются в других русских городах, например в Новгороде, и в кочевнических курганах XII–XIII вв. Речь идет о нагайках — средстве управления конем «по-восточному», исключающем шпоры. Способ езды «повосточному» проник на Русь от степных соседей, особенно развился в послемонгольское время и местами дожил до наших дней (Денисова 1925: 125-131). Восточной манере езды присущи: опора полусогнутыми ногами на стремена, легкое седло без задней луки, управление конем главным образом при помощи плети, отсутствие шпор. В X-XIII вв. на Руси преобладал, очевидно, «западный» способ, основанный на опоре на седло, снабженное передней и задней лукой (стремена в этом отношении выполняли вторичную роль, в них упирались вытянутые ноги, вынесенные вперед), и на управлении конем по шенкелю с развитым применением шпор (также поводьями и уклонениями корпуса). Восточный всадник легко привставал на стременах и мог свободно оборачиваться и стрелять из лука назад. Западный кавалерист зато прочно сидел в седле, средняя часть его туловища была неподвижна, в движении находились голени (и, как следствие, шенкель) и в верхней части пояс60. На территории России описанные две манеры езды (в разных вариациях) сосуществовали исторически. Начало этого симбиоза, как видно на примере «Изяславля» и других городов, уходит в раннее средневековье.

Стремена

Стремена, так же как и шпоры, были неотъемлемой принадлежностью военного всадника. Так же как и шпоры, различные в конструктивном отношении стремена отражают различные тактические приемы, а значит, и прослойки войска (puc. 31–32, табл. XI).

 $^{^{60}}$ Разъяснением этого вопроса я обязан полковнику Е. Е. Колосову.

Рис. 30. Костяные навершия плетей

Тяжеловооруженным, по-видимому, принадлежали стремена с прямой или чуть вогнутой подножкой и арковидной дужкой с прямоугольным и трапециевидным выступом для петли (тип I, 15 экземпляров, высота 13,5–15,0 см, ширина 13–14 см, ширина овальной и прямоугольной в плане подножки 5,5–6,0 см, вес 200–240 г). В рассматриваемой группе опознано одно детское стремя (высота 8,9 см, ширина 9 см, ширина подножки 3,6 см,

вес 70 г). Несколько образцов орнаментированы фигурной насечкой по железу и точечной инкрустацией вдоль дужки. Стремена рассматриваемого типа восходят к формам X-XI вв., но для XII — первой половины XIII в. они вполне своеобразны и свойственны восточноевропейским и русским древностям (Киевское Поросье, Райки, Колодяжин, Бородино) (Ленц 1902: рис. 1; Седов 1960: 113, рис. 57: 10). Характерно нахождение стремян типа I в местах, где жили и были похоронены военачальники и высшие дружинники-землевладельцы. Ни на Западе, ни на Востоке стремена описанной выше формы мне не известны и являются, по-видимому, специфически русскими или шире — восточноевропейскими. К этим формам примыкают стремена с прямой подножкой и скруглено-треугольной дужкой (тип ІА, 2 экземпляра, размеры: высота 12,2–12,7 см, ширина 13–14 см, ширина подножки 5,0-5,5 см, вес около 180 г). Стремена типа ІА и территориально, и хронологически распространены гораздо шире тех, которые выделены в тип І. Их находят от Забайкалья до Кубани, Волыни и Смоленщины (Басандайка 1947: табл. 47: 3 и 91, 41; Гаврилова 1965: 47, табл. XXX, 5; Лявданский 1926: табл. IV, 20). А в Поволжье, Нижнем Поднепровье и Поднестровье эти стремена неоднократно сопровождались золотоордынскими монетами XIV в. (Кушева-Грозевская 1928: табл. 1; Макаренко 1911: рис. 76: 5). Не чужды они и западным древностям второй половины XIII — XIV в. (Blomqvist 1948: 77, abb. 51, 536; Нејпа 1962: рис. 2: 1-2) 61 . Стремена типа IA, видимо, были достаточно универсальны и просты в изготовлении, что принесло им не менее чем 200-летнюю евразийскую популярность.

Стремена типа I и IA, судя по широкой плоской подножке, предназначались для сапога с жесткой подошвой, твердым задником и голенищем (такая обувь у горожан и воинов вошла в быт примерно с XII и особенно в XIII в.) (Оятева 1962: 87, 90). В противоположность этому стремена кольцевидной формы с округлой подножкой и килевидной дужкой можно связать с мягкой обувью (поршни, туфли или мягкие башмаки) (Рыбаков 1948: 402; Вахрос 1959: 44–45, 48, 50) и легковооруженными стрелками. По стременам, следовательно, распознается не только покрой обуви, но и степень вооруженности человека⁶². Кольцевидные стремена легче всех других форм (тип II, 26 экземпляров, размер: высота 13–15 см, ширина 13,4–15,0 см, ширина подножки 3,3–4,5 см, вес 150–180 г). Их подножка заметно изогнута в поперечном разрезе и явно приспособлена к прилеганию средней части мягкой подошвы. Некоторые из

 $^{^{61}}$ Западные образцы, к слову сказать, отличаются рядом деталей (например, по абрису подножки) от одновременных восточноевропейских.

 $^{^{62}}$ Разграничение средневековых стремян по родам войска не следует абсолютизировать. Ряд кольцевидных стремян происходят, в частности, из кочевнических могил тяжеловооруженных всадников Каневского Поросья.

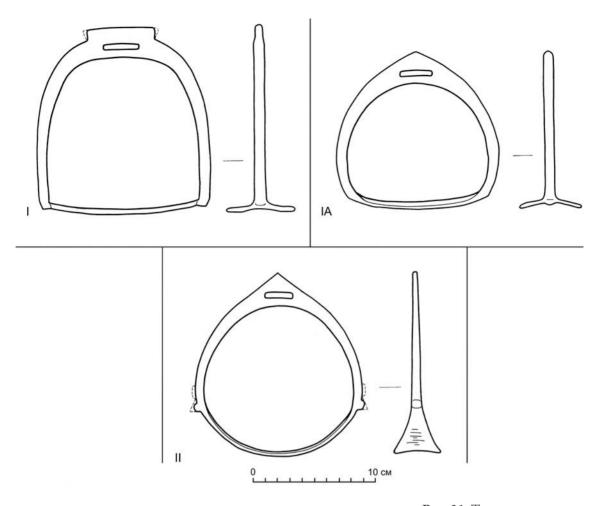

Рис. 31. Типология стремян

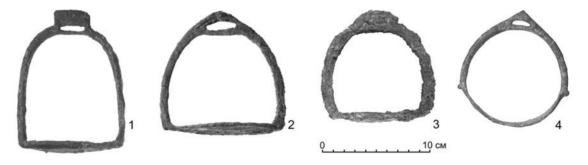

Рис. 32. Образцы стремян: 1–3 — типы I и IA; 4 — тип II. Железо

Таблица XI. Стремена

Типы	I	IA	II	Тип неизвестен	Всего
Количество	15	2	26	1	44

кольцевидных стремян снабжены орнаментальными накладками (гравировка по меди) и боковыми фигурными косяками/выступами, возможно, служившими вместо шипов шпор.

Стремена округлой формы (пока не кольцевидной) начиная с эпохи викингов не типичны для Центральной и Западной Европы. Удерживались они на Западе и в 1200–1300 гг., но опять-таки не преобладали (Blomqvist 1948: 108–109, abb. 42–43). Напротив, в Евразийской степи округлые стремена со времен аварского каганата характерны для кочевников, в конце раннего средневековья они широко использовались оседлыми европейцами: русскими, литовцами, а также венграми, чехами и пруссами (Zschille, Forrer 1896: Taf. III, 2, 4, 6, 10; IV, 14, 17, 19). Городищенские стремена регулярно кольцевой формы с килевидной дужкой и боковыми косяками/выступами, судя по многочисленным русским и чужеземным аналогиям, в целом датируются второй половиной XII — первой половиной XIII в. (Медведев 1959: рис. 22: 1)⁶³.

Итак, сочетание городищенских шпор разных типов свидетельствует о том, что их форма была порождена не случайностью моды, а той тактической обстановкой, при которой местные русские особенности сплетались с международными.

Общие итоги

Какие заключения вытекают из всего приведенного выше материала?

«Изяславльцы», судя по наличию заготовок, ковали стрелы и пики, отливали булавы, вероятно, изготовляли и украшали кистени, шпоры, стремена и другие железные изделия. При всем том «изяславльское» вооружение отражает не столько мастерство городских кузнецов-оружейников, сколько вообще уровень русского военного дела, да и не только русского. «Изяславльский» арсенал, даже при всей его неполноте и случайности, можно оценить как характерный для древнерусского города и типичный для своего времени.

Раскопанный волынский город не был, видимо, каким-то особенным, передовым оружейным центром, однако его боевая техника запечатлела основные черты своего века и, судя по всему, была не худшей. Среди городищенского вооружения почти нет архаических образцов, нет изделий, свидетельствующих о косности и застойности развития боевой техники. Это вооружение современно своей эпохе.

«Изяславльский» арсенал — ровесник своего города, он являлся новообразованием эпохи удельной Руси и поэтому со всей отчетливостью позволяет судить о состоянии и эволюции оружейного дела. Можно констатировать быстрый прогресс и активное освоение технических новинок. Множество предметов были относительно новыми и связанными с развитием европейского и азиатского оружия 1150–1250-х гг. Таковы рогатины (XII — первая половина XIII в.), дисковидные навершия мечей со срезанным краем (после 1180 г.), перекрестья романских мечей (в основном 1200–1270-е гг.), ряд сабельных гард (первая половина XIII в.), булавы с хоботом и веерообразными гранями (первая половина XIII в.), некоторые кистени с продолговатой петлей (первая половина XIII в.), стрелы с удлиненно-треугольным лезвием и прямоугольными уступами плечиков, бронебойные втульчатые наконечники (и те, и другие не древнее XIII в.), пиковидные арбалетные болты (очевидно,

 $^{^{63}}$ Удерживается такого вида стремя вплоть до XIV в. (Кушева-Грозевская 1928: табл. V; Hejna 1962: 456–458, obr. 1: 2–3).

не древнее 1230-х гг), поясной крюк для натягивания тетивы самострела (первая половина XIII в.), шлем с полумаской (1150–1250-е гг.), пришлемная маска и широкие плоские кольчужные кольца (первая половина XIII в.), шпоры в виде буквы Z в профиль и с широким пластинчатым манжетом (1200–1250-е гг.), колесные шпоры (1230-е гг.), кольцевидные стремена с килевидной дужкой (1150-1250-е гг.). В этом же списке могли бы фигурировать бронебойные стрелы с квадратным сечением пера, узколезвийные и кунжутолистные срезни, костяные ланцетовидные наконечники (все главным образом XIII в.), если бы на местной почве они появились естественным, а не насильственным образом. Приведенный перечень важен в историко-техническом отношении. Почти все выявленные технические новшества относятся к первой половине XIII в. и подсказывают общую относительную дату большинства найденных военных вещей в пределах не свыше полувека, а иногда и уже. Если наиболее меняющееся и чуткое к веяниям времени вооружение приходится на конец XII — первую половину XIII в., то, очевидно, оно и сложилось в это время. Учитывая удивительную подвижность, с которой продвигались по европейскому континенту военные изобретения, поправка на время их распространения может быть практически незначительна. Отсюда следует, что существенные изменения ряда военных средств происходили в течение нескольких десятилетий. Здесь улавливается темп военно-технического прогресса, который, по сравнению с раннекиевским временем, значительно ускорился. Подобное явление закономерно для эпохи, когда война играет все более важную роль в жизни общества, когда каждое новое поколение оружейников предлагает изобретения и открытия, попадающие в благоприятную для своего восприятия среду. Именно в такой по-военному бурный век возник и кратковременно расцвел «Изяславль».

В «Изяславле» были открыты оружейные новинки общерусского и общеевропейского значения: арбалетный натяжной крюк, булавы-клевцы, пиковидные арбалетные болты, шпоры Z-образные, с пластинчатым манжетом и с колесиком. Некоторые из этих произведений зафиксированы в «Изяславле» раньше, чем где-либо в ином месте. Волынский город был местом, где в результате штурма смешались азиатско-монгольские, русские и западноевропейские стрелы. Близость степи сказалась в популярности сабли и наличии некоторых форм всаднического снаряжения — стремян и нагаек. Однако в основном «Изяславль» выступает как носитель не восточных, кочевнических, а европейских оружейных традиций. Показательны в этом отношении шпоры, которые неожиданно открыли, что русский дружинник по способу езды, манере наносить таран копьем и по защитным приспособлениям почти не отличался от своего западного собрата по классу и рангу. В целом в истории русской и романской военной культуры городищенские находки являются своеобразным техническим маяком и эталоном в хронологическом, типологическом и тактическом отношениях.

Городищенское оружие по своим формам, устройству и весу распадается на две последовательные группы. Легкая пика и массивная рогатина, чекан и более тяжелый пехотный топор, облегченный восточноевропейский и более грузный романский мечи, легкая и тяжелая сабли, стрелы и болты, легкие и более увесистые шпоры и стремена — такова галерея несхожих вещей. Столь разнородное сочетание изделий одного и того же назначения объясняется контрастами русской военной практики, имевшей дело и с летучим степняком, и с закованным в железо европейским рыцарем. «Изяславльский» арсенал комплектовался в специфически русских условиях многообразия целей и противоречивой и сложной борьбы на рубежах Запада и Востока. Различные типы и разновидности оружия свидетельствуют,

кроме того, о тактическом и специальном разделении войска, о различии в экипировке легковооруженного лучника и тяжеловооруженного копейщика. Спецификация конницы на легкую и тяжелую зашла, видимо, так далеко, что оказала влияние на оформление соответствующих типов шпор, стремян, возможно, некоторых других боевых средств.

В «Изяславле» открыто оружие хорошо устроенной военной дружины: пики, чеканы, сабли, мечи, кистени, шпоры, стремена, остатки кольчуг, шлемы. Одновременно некоторые копья, топоры, булавы и самострельные болты характеризуют пехоту и ополченцев. Преобладающее положение занимали средства конной силы, состоящей из лучников и копейщиков.

Среди городищенских находок оказалось и оружие, по своей неполномерности относящееся, скорее всего, к детскому. Таковы: одна пика, два сабельных перекрестья, три стрелы, семь шпор, одно стремя. Подбор оружия типичен для конных упражнений и свидетельствует о том, что в «Изяславле» существовал институт военного обучения, очевидно, детей дружинников. О военном ученичестве и играх «молоди» и стрелков-лучников до сих пор было известно по скупым строкам письменных источников и деревянным игрушкам. Теперь мы узнали о них по детским или юношеским металлическим изделиям, представлявшим в миниатюре точную копию взрослых.

Итак, боевая техника «изяславльцев» указывает на развитое феодальное общество со специализированной военной силой и практикой конного обучения. Судя по вооружению, в «Изяславле» существовали все те военные слои и группы, которые были присущи развитой раннесредневековой дружине и сложившемуся феодальному обществу. Как нам кажется, это наблюдение имеет прямое отношение к определению типа «изяславльского» поселения и социально-экономической характеристики его жителей.

Каким бы ни был «Изяславль» по своему социально-экономическому устройству, в чьем бы владении и власти ни находился, он предстает перед нами центром высокоразвитой оружейной культуры, городом, который в кратковременную пору своего существования отличался высоким темпом и передовым уровнем развития боевой техники и который трагически пал, не успев развиться в еще более заметное явление русского средневековья.

Литература

Алексеев 1960 — *Алексеев Л. В.* Раскопки древнего Браслава // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 95–106.

Аннинский 1940 — *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.; Λ .: Изд-во АН ССР, 1940. С. 71–112.

Анна Комнина 1965 — Анна Комнина. «Алексиада» / вступ. статья, пер., комм. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1965. 688 с.

Арциховский 1958 — *Арциховский А. В.* Раскопки 1956–1957 гг. в Новгороде // СА. 1958. № 2. С. 227–242.

Басандайка 1947 — Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: тип. № 1 Полиграфиздата, 1947. 220 с. (Труды Томского ордена Трудового Красного Знамени ГУ им. В. В. Куйбышева. Т. 98).

- Бобчева 1958 *Бобчева* Λ . Въоръжението на българската войска от втората половина на 9 век до падането на България под турско робство // Военно-исторически сборник. Год. XXVII, 2. София, 1958. С. 41-77.
- Васильев 1857 *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголотатарах. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1857. 237 с.
- Вахрос 1959 *Вахрос И. С.* Наименования обуви в русском языке. Древнейшие наименования допетровской эпохи. Хельсинки: Институт по изучению СССР в Финляндии, 1959. 272 с.
- Владимирцов 1934 *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 224 с.
- Воронин 1954 *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно: по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг. М.: АН СССР, 1954. 240 с. (МИА. № 41).
- Гаврилова 1965 Гаврилова A. A. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 145 с., ил.
- Генинг 1954 *Генинг В.* Ф. Новый могильник позднеродановского времени // КСИИМК. 1954. Вып. 55. С. 153–154.
- Гончаров 1950 Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН УССР, 1950. 219 с.
- Гордеев 1954 *Гордеев Н. В.* Русский оборонительный доспех // Богоявленский С. К., Новицкий Г. А. (ред). Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сб. научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М.: Искусство, 1954. С. 61–114.
- Гордлевский 1960 *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии // Избранные сочинения. Т. І. Исторические работы. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 31–320.
- Городцов 1913 *Городцов В. А.* Описание холодного оружия. Копье и пика // Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1911 г. Приложение. М.: Синодальная типография, 1913. С. 17–38.
- Денисова 1925 Денисова М. М. Седло конца XVI века // Сборник Оружейной палаты. М.: Издание Оружейной палаты, 1925. С. 125–131.
- Древнемонгольские города 1965 Киселев С. В. (отв. ред.). Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. 367 с.
- Каргер 1950 *Каргер М. К.* Археологические исследования древнего Киева: отчеты и материалы (1938–1947). Киев: Изд-во АН УССР, 1950. $252 \, \mathrm{c.}$, ил.
- Каргер 1965 *Каргер М.* К. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957–1964 гг. // Тезисы докладов советской делегации на I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М.: Наука, 1965. С. 39–41.
- Кирпичников 1958 *Кирпичников А. Н.* Метательная артиллерия Древней Руси: из истории средневекового оружия VI–XV вв. // Кирпичников А. Н., Воронин Н. Н., Косточкин В. В., Хлопин И. Н. Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси. М.: АН СССР, 1958. С. 7–51. (МИА. № 77).
- Кирпичников 1958а *Кирпичников А. Н.* Русские шлемы X–XIII вв. // СА. 1958. № 4. С. 47–69.

- Кирпичников 1963 Кирпичников А. А. Русское оружие ближнего боя X–XIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963.
- Кирпичников 1966 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX— XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 176 с. (САИ. E1–36).
- Кирпичников 1966а *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, булавы IX–XIII вв. М.; Λ .: Наука, 1966. 147 с. (САИ. E1–36).
- Кирпичников 1971 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971. 92 с. (САИ. E1–36).
- Кирпичников 1973 *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX— XIII вв. Л.: Наука, 1973. 138 с. (САИ. E1-36).
- Кирпичников 1975 *Кирпичников А. Н.* Мечи из раскопок древнего Изяславля // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 30-54.
- Кирпичников, Коваленко 1993 *Кирпичников А. Н., Коваленко В. П.* Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане) // Археологические вести. 1993. Вып. 2. С. 122–134.
- Кирпичников, Черненко 1966 Кирпичников А. Н., Черненко Е. В. Рец. на: Пятышева Н. В. Железая маска из Херсонеса (К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками) (М., 1964) // СА. 1966. № 4. С. 214–220.
- Киселев, Мерперт 1965 *Киселев С. В., Мерперт Н. Я.* Железные и чугунные изделия Кара-Корума // Киселев С. В. (отв. ред.). Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 188–215.
- Книга Марко Поло 1956 Книга Марко Поло / перевод Минаева И. П. Магидович И. П. (ред.). М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. 376 с.
- Корзухина 1950 *Корзухина Г.* Ф. Из истории древнерусского оружия XI века // СА. 1950. Т. XIII. С. 63–94.
- Кучера 1962 Кучера М. П. Древній Пліснеськ // АП УРСР. 1962. T. XII. С. 3–56.
- Кушева-Грозевская 1928 *Кушева-Грозевская А. Н.* Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925–1926 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов: тип. Промкомбината Аткарск, 1928. 36 с.
- Ленц 1902 Λ енц Э. Э. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновки Мелитопольского уезда // ИАК. Вып. 2. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, Моховая, № 40, 1902. С. 81–94.
- Литвинский 1965 Λ итвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75–91.
- Аявданский 1926 Λ явданский A. H. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского ГУ. Т. 3. Вып. 3. Общественно-гуманитарные науки. Смоленск, 1926. С. 179–296.
- Аяпушкин 1958 Λ ялушкин U. U. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.; Λ .: Изд-во АН СССР, 1958. 328 с. (МИА. № 74).
- Макаренко 1911 *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907–1909 годов. С 5 таблицами и 113 рисунками. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, Моховая, № 40, 1911. 130 с. (ИАК. Вып. 43).

- Медведев 1959 *Медведев А.* Ф. Оружие Новгорода Великого // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. С. 121–191. (МИА. № 65).
- Монгайт 1955 *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 228 с. (МИА. № 49).
- Мугуревич 1965 *Мугуревич Э. С.* Восточная Λ атвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига: Зинатне, 1965. 145 с., ил.
- Мункуев 1965 *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М.: Наука, 1965. 224 с.
- Нидерле 1956 *Нидерле Л*. Славянские древности. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956. 453 с.
- ОАК за 1896 Отчет императорской археологической комиссии за 1896 г. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, Моховая, № 40, 1898.
- Оятева 1962 Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4: Славянские древности. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. С. 77–94.
- Плано Карпини, Рубрук 1911 *Плано Карпини И*. История Монголов (С. 1–62, 181–187); *Рубрук Вильгельм*. Путешествие в восточные страны (С. 65–178, 191–201) / введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1911. (Библиотека иностранных писателей о России).
- Плетнева 1958 Плетнева С. И. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. І. М., 1958. С. 151–226. (МИА. № 62).
- ПСРЛ II 1908 Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою археографическою комиссиею. Том второй: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.
- Пятышева 1964 *Пятышева Н. В.* Железная маска из Херсонеса. К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками. М.: ГИМ, 1964. 40 с.
- Рыбаков 1948 *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 803 с.
- Рохлин 1965 *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 305 с., ил.
- Сборник материалов 1941 Иванов П. П. (отв. ред.). Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Седов 1960 *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. VIII— XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 158 с. (МИА. № 92).
- Сокровенное сказание 1941 Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года. Монгольский обыденный изборник / пер. С. А. Козина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 41 с.
- Спицын 1902 Спицын А. А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоухова. СПб.: Типография В. Безобразова и K° , 1902. 150 с. (MAP. 26).
- Талько-Грынцевич 1902 *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Т. III. Вып. 1. Иркутск: ИРГО, 1902. С. 4–60.

- Уваров 1910 *Уваров А. С.* Галиция. Археологические заметки // Уварова П. С. (ред.). Сборник мелких трудов. Издан ко дню 25-летия со дня кончины А. С. Уварова. Т. II: Статьи разного содержания. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. С. 22–51.
- Фома Сплитский 1997 *Фома Сплитский*. О свойствах татар // История архиепископов Салоны и Сплита / вступ. ст., пер., комм. О. А. Акимовой. М.: Индрик, 1997. С. 114–116.
- Хойновский 1896 *Хойновский И. А.* Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев: Типография Университета Св. Владимира, 1896. 269 с., ил.
- Чеботаренко 1960 Чеботаренко Г. Ф. К вопросу о классификации средневековых молдавских наконечников стрел // Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Вип. 3. Одесса, 1960. С. 141–150.
- Чжоу Вэй 1957 Чжоу Вэй. Очерки по истории боевого оружия Китая. Пекин, 1957 (на кит. яз.)
- Шендрик 1958 *Шендрик Н. І.* Наконечники стріл з Княжої Гори // Праці Київського державного історичного музею. Вип. 1. Київ, 1958. С. 158–174.
- Шноре 1961 Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1961. 288 с., ил. (МИАЛ. II).
- Шноре 1962 *Шноре Э. Д.* Шпоры городища Асоте и их место в классификации шпор // Światowit. T. XXIV. Warszawa, 1962. S. 577–609.
- Юра 1962 *Юра Р. О.* Древній Колодяжин // АП УРСР. Т. XII. Київ, 1962. С. 57–130.
- Alm 1947 *Alm J.* Europeiska armborst. En översikt, Vaabenhistoriske aarbøger. V b. København, 1947.
- Blair 1962 *Blair C.* European and American arms, c. 1100–1850. London: B. T. Batsford., 1962. 134 p. Blomqvist 1948 *Blomqvist R.* Stigbyglar. Kulturen. En årsbok. Lund, 1948.
- Boeheim 1890 Boeheim W. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig: Verlag von E. A. Seemann, 1890.
- Cofta 1953 *Cofta A.* Wyniki badań na grodzisku wczesnośredniowiecznym v Błoniu, pow. Grodzisk Mazowiecki // Materiały wczesnośredniowieczne. T. III (1951). Warszawa, 1953. S. 1–51.
- Demay 1875 Demay M. G. Le costume de guerre et d'apparat d'aprés les sceaux du Moyen-Age. *París* : J. B. Dumoulin, 1875.
- Excavations 1961 Excavations at Helgö. Vol. I: Report for 1954–1956 / Holmqvist W. (ed.). Stockholm, 1961.
- Gaier-Lhoest 1962 *Gaier-Lhoest J.* Pointes de flèches et de carreaux du bas Moyen Age trouvées dans le lit de la Meuse à Liège // Armi antiche. 9. Torino, 1962. S. 83–92.
- Géza 1898 *Géza N.* A szabolcsmegyei múseum középkori sarkantyúi // Archaeologiai Értesitő. Fol. XVIII. Budapest, 1898.
- Hejna 1962 *Hejna A.* Soubor nálezů z Hrádku Bolkova v severovýchodních Čechách // Památky Archeologické. R. LIII. Č. 2. Praha, 1962. S. 455–471.
- Herrnbrodt 1958 *Herrnbrodt A.* Der Husterknupp. Eine niederrheinische Burganlage des frühen Mittelalters. Köln-Graz: Böhlau, 1958.
- Hilczerówna 1956 *Hilczerówna Z.* Ostrogi polskie z X-XIII w. // Prace Komisji Archeologicznej. T. 2. Z. 2. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956.

- Jacobi 1897 *Jacobi L.* Römerkastell Saalburg bei Homburg vor der Höhe. Homburg: C. F. Winter'sche Buchdruckerei in Darmstadt, 1897.
- Kietlińska, Dąbrowska 1963 *Kietlińska A., Dąbrowska T*. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz, pow. Turek // Materiały starożytne. T. IX. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963. S. 143–254.
- Kirpichnikov 1986 *Kirpichnikov A. N.* Russische Waffen des 9.–15. Jahrhunderts // Waffen und Kostümkunde. Jahrgang 1986. Deutscher Kunstverlag München Berlin. S. 85–128.
- Kostrzewski 1947 *Kostrzewski B*. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Koninie // Przegląd archeologiczny. T. VII. Z. 2. Poznań, 1947. S. 192–294.
- London Museum 1954 London Museum catalogues. № 7. London, Published by Her Majesty's Stationery Office, 1954.
- Müller-Hickler 1923 *Müller-Hickler H*. Sitz und Sattel im Laufe der Jahrhunderte // ZWK, N. F., Bd. I (10), Heft I. Berlin, 1923. S. 6–13.
- Musianowicz 1959 *Musianowicz K.* Podkowy końskie źródłem do zagadnień handlu w okresie wczesnośredniowiecznym // Z Otchłani Wieków. R. XXV. Z. 4. 1959. S. 259–264.
- Nadolski 1954 *Nadolski A.* Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Seria: Acta Archaeologica Universitatis Lodziensis. Nr. 3. Łódź: Zakład im. Ossolińskich we Wrocławiu, 1954.
- Oakeshott 1960 *Oakeshott R. E.* The archaeology of weapons: Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry. London: Lutterworth, 1960.
- Paulsen 1953 Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1953.
- Polla 1962 *Polla B.* Stredoveká zaniknutá osada na Spiši (Zalužany) // Archaeologica Slovaca Fontes. T. IV. Bratislava: Slovenska akad. Vied, 1962.
- Rauhut 1960 Rauhut L. Wczesnośredniowieczne materiały z Terenów Ukrainy w państwowym museum arsheologicznym w Warszawe // Materiały wczesnośrednioweczne. T. V. 1960. S. 231–260.
- Sarnowska 1956 *Sarnowska W.* Uzbrojenie średniowieczne w świetle wykopalisk w latach 1948–1951 w Opolu na Ślasku // Materiały wczesnośredniowieczne. T. IV. 1956. S. 211–223.
- Schneider 1946 *Schneider H., Heid K.* Das Fundmaterial aus der Burgruine Lägern // ZSAK. Bd. 8. Heft I. Basel, 1946. S. 29–46.
- Schneider 1960 *Schneider H*. Die Ausgrabung der Hasenburg // ZSAK. Bd. 20. Heft 1. Basel,1960. S. 8–34.
- Seitz 1965 Seitz H. Blankwaffen. Band I. Geschichte und Typenentwicklung im europäischen Kulturbereich. Von der prähistorischen Zeit bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1965.
- Sós 1961 Sós Á. Cs. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Keszthely Fenékpuszta // Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. T. 13. Budapest, 1961. S. 247–305.
- Stein 1928 Stein M. A. Innermost Asia. Vol. III. London & Oxford, 1928.
- Strakosch-Grassman 1893 *Strakosch-Grassman G*. Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck: Wagner, 1893.

- Vikić, Walter 1955 *Vikić B., Walter E.* Zbirka potkova u Arheološkom muzeju u Zagrebu // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. Sv. 4. Zagreb, 1955. S. 23–84.
- Viollet-le-Duc 1875 *Viollet-le-Duc E.* Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque Carlovingienne à la Renaissance. T. 5. Paris, 1875.
- Willemin, Pottier 1839 Willemin N. X., Pottier A. Monuments Français. T. I. Paris, 1839.
- Zschille, Forrer 1891 *Zschille R., Forrer R.* Der Sporen in seiner Formen-Entwicklung. Berlin: Verlag von Paul Bette, 1891.